

— 1 —

Журналист «Бостон глоуб» уже понял, что от двух стариков, составляющих штат «Еженедельного островитянина», толку мало. Он посмотрел на часы и обрадовался тому, что успевает на паром, отплывающий в полвторого. Поблагодарив собеседников за уделенное ему время, журналист небрежно бросил на стол деньги, поставил на купюры солонку, чтобы крепкий прибрежный бриз не унес их, и, преодолев каменные ступени патио «Серая чайка», быстро направился вниз по склону улицей Бэй-стрит, ведущей к маленькому городку.

Можно было подумать, что он вовсе не заметил молодую женщину, сидящую между стариками, если бы не пара беглых взглядов, которыми журналист удостоил ее грудь.

Когда гость из «Глоуб» скрылся из вида, Винс Тигги потянулся через стол, вытащил купюры из-под солонки (это оказались две пятидесятки) и спрятал их в прикрытый клапаном карман старого, но вполне пригодного для носки твидового пиджака. Он явно был доволен.

— Что вы делаете? — спросила Стефани Маккен. И хотя она знала, что Винс, как и другой ее спутник, любили подразнить ее наивную молодость, на этот раз девушке не удалось не выдать голосом своего волнения.

— А что, по-твоему, я делаю? — Винс выглядел как никогда довольным. Он погладил карман с утонувшими в нем деньгами, и отправил в рот последний кусочек рулета из лобстера, затем промокнул рот салфеткой и ловко поймал оставленную журналистом пластиковую тарелку, когда очередной порыв свежего, пахнущего солью ветра попытался унести ее прочь. Из-за артрита пальцы Винса были уродливо скрючены, но руки оставались такими же ловкими.

— По-моему вы только что присвоили деньги, которыми мистер Хэнрэтти расплатился за наш обед, — сказала Стефани.

— А ты наблюдательна, Стефф, — Винс даже не пытался оправдаться, вместо этого он подмигнул человеку, сидящему с ними за одним столиком. Его звали Дэйв Боуи. Он выглядел ровесником Винса, хотя, на самом деле, был на двадцать пять лет моложе. «Тело — это экипировка, которую выигрываешь в лотерею, — говорил Винс. — Ухаживаешь за ней, подлатаешь, когда нужно, но даже тем, кто проживет дольше ста лет (на что и он сам рассчитывал), жизнь в итоге покажется не длиннее одного летнего дня».

— Но зачем?

— Ты чего боишься? Что я усложню жизнь в «Чайке» еще одним таблоидом и всучу его Хелен? — ответит Винс вопросом на вопрос.

— Нет. Кто такая Хелен?

— Хелен Хафнер, та, что нас обслуживает, — он кивком указал на другой конец патио, где полноватая женщина лет сорока убирала со столов посуду. — Потому что такова политика Джека Муди, владельца этого замечательного заведения, и его отца, владевшего рестораном еще до появления на свет преемника. Тебе это интересно?

— Да, — ответила Стефани.

Главный редактор еженедельного «Островитянина», Дэвид Боуи, не считавший возраст Хелен Хафнер чем-то значительным, подался вперед и положил свою пухлую руку поверх руки девушки.

— Я знаю, что тебе это интересно, — сказал он. — И Винсу тоже. Поэтому сейчас он заведет свою волынку и все тебе объяснит.

— Потому что здесь школа? — сказала она улыбаясь.

— Точно, — ответил Дэйв. — И что хорошо для таких стариков, как мы?

— Вы учите только тех, кто хочет учиться.

— Точно, — повторил Дэйв и откинулся на спинку стула. — Прекрасно.

На нем не было ни пальто, ни куртки, только старый зеленый свитер. Дело было в августе. Для Стефани в патио было довольно тепло, несмотря на бриз, но она знала, что ее собеседники слегка озябли. В случае с Дэйвом это было необъяснимо: ему всего шестьдесят пять, да и лишние тридцать фунтов должны бы сыграть свою роль. Винс Тигги этим летом стал выглядеть под девяносто, хотя обычно ему давали не больше семидесяти. Худой, как щепка, для своего возраста он был очень подвижен, несмотря на скрюченные пальцы. Миссис Пэндер, секретарша, работающая в редакции «Островитянина» на полставки, пренебрежительно хмыкая, называла его «фаршированным шнурком».

— Политика «Серой чайки» заключается в том, что за газеты, заказанные посетителями, несут ответственность официантки, обслуживающие их столики. То есть, до тех пор, пока газеты не оплачены, они, по сути, куплены официантками, — объяснил Винс. — Джек сообщает об этом девушкам при приеме на работу, чтобы потом у тех не было повода приходить к нему и ныть, что они не знали об этом условии.

Стефани окинула взглядом патио, заполненное наполовину, хотя было уже двадцать минут второго, а затем помещение закусочной, окна которой выходили на Лосиную бухту. Внутри почти все столики были заняты, и она знала, что снаружи будет очередь до трех часов. Этот с трудом контролируемый хаос творится каждый год с Дня Памяти* до конца июля. От официанток требуется уследить за каждым клиентом, и бедняжки рвут задницы, носясь с подносами, полными вареных лобстеров и моллюсков.

* День Памяти – день поминовения всех погибших в войнах отмечается в Америке 30 мая. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

– Едва ли это... – Стефани замерла на полуслове, уверенная в том, что старики, выпустившие свою газету еще до того, как появилось понятие «минимальная заработная плата», рассмеются, если она закончит мысль.

– Честно. Ты должно быть это слово подбирала, – сухо сказал Дэйв и взял последнюю булочку из хлебницы.

«Честно» вышло у него как «честнусть», рифма к излюбленному янки слову «пусть», которое могло выражать, как согласие, так и сомнение.

Стефани была родом из Цинциннати, Огайо. Когда она впервые оказалась на Лосином острове для прохождения интернатуры в штате «Еженедельного островитянина», девушкой овладела глубокая грусть, которая на новоанглийском диалекте также рифмуется с «пусть». Как можно было выучить хоть что-нибудь, когда понимала она только одно слово из семи. А без конца просить людей повторять, что они сказали, чревато недоумением, а то и репутацией прирожденной идиотки (что на диалекте островитян звучит как «идиетки»).

Последипломная программа университета Огайо рассчитана на четыре месяца, но уже по прошествии четырех дней Стефани была готова все бросить. Но тогда Дэйв отвел ее в сторонку и сказал: «Не вздумай идти на попятную, Стеффи. К тебе все придет». И пришло! Как ей показалось, акцент почти сразу же стал понятен. Как будто в ухе чудесным, непостижимым образом лопнул пузырик, мешавший расслышать, что говорят. Теперь она была уверена, что могла бы всю жизнь прожить здесь, не умея говорить на их языке, но все понимая. Пусть! Она это могла и точка.

– Да, именно слово «честно» я и имела в виду, – согласилась она.

– Это слово не входит в словарь Джека Муди, если только дело не касается предсказаний погоды, – сказал Винс, а затем, изменившись в голосе, обратился уже не к ней. – Положите-ка, эту булочку, Дэвид Боуи! Разве ты не достаточно стремительно набираешь вес? Свинья-свинья-свинья!

– В последний раз, когда я проверял свой паспорт, в графе «семейное положение» печати не было, – парировал Дэйв, еще раз откусив от булки. – Ты что, не можешь закончить свою мысль, не доставая меня?

– Ну, не нахал?! – возмутился Винс. – Не разговаривать с набитым ртом его, видимо, тоже никто не учил.

Он закинул руку за спинку своего стула, и бриз с блестящего на солнце океана откинул со лба его белые волосы.

– Стеффи, у Хелен трое детей от шести до двенадцати лет, а муж сбежал. Она не хочет уезжать с острова, потому что здесь можно поднакопить денег, работая даже простой официанткой в «Серой чайке». За лето можно заработать больше, чем потратится зимой. Следишь за мыслью?

– Да, не сомневайтесь, – сказала Стефани.

Тут как раз женщина, о которой шла речь, подошла к их столику. Стефани отметила, что на официантке были толстые чулки, которые не могли скрыть варикозных вен, и что под глазами у нее темные круги.

– Винс, Дэйв, – сказала Хелен, кивнув их симпатичной компаньонке, имени которой она не знала, – вижу, ваш друг отчалил. На паром?

– Ага, – сказал Дэйв. – Решил, что лучше вернуться в рабочий Бостон.

– Ну и пусть. Вы все?

– Нет, еще немного, – сказал Винс. – Но чек уже можно нести, Хелен. – Как детишки?

По лицу женщины пробежала гримаса:

– У них шалаш на дереве. На той неделе Джуд выпал из него и сломал руку. Как же он орал! Напугал меня до смерти!

Старики переглянулись и расхохотались. И хотя они быстро смолкли и выглядели пристыженными, а Винс даже выразил сочувствие, Хелен это было уже не нужно.

– Мужчины могут смеяться. Мальчишками они все вываливались из шалашей, ломали руки и помнят себя бесстрашными пиратами. Но вряд ли они хоть иногда вспоминают, как матери ночами сидели у их кроватей, давая им аспирин. Я принесу ваш чек, – и она зашаркала прочь в своих теннисных туфлях со стоптанными задниками.

— Она доброй души человек, — сказал Дэйв.

— Это точно, — подтвердил Винс. — Но пару крепких словечек в свой адрес мы у нее заслужили. Итак, в чем же фокус с этим обедом, Стеффи? Не знаю, сколько в Бостоне платят за обед с лобстерами, три булочки и четыре чая со льдом, но тот журналист, должно быть, забыл о том, что мы тут живем у источника снабжения, как это называют экономисты. Поэтому он бросил на стол сотню баксов. Если в чеке, который принесет Хелен, будет стоять сумма больше пятидесяти пяти, я улыбнусь и поцелую свинью. Ты все еще слушаешь?

— Да, конечно, — сказала Стефани.

— А теперь о том, как все это отразится на жизни парня из «Глоуб». Пока паром везет его обратно к материку, он займется заполнением расходной книги. Появится примерно такая запись: «Обед. «Серая чайка». Лосиный остров. Серия «Необъяснимое». Если это честный малый, он напишет сто долларов, но если в нем есть малейшая склонность к воровству, он напишет сто двадцать и на остаток сводит свою девушку в кино. Поняла?

— Да, — сказала Стефани, и, допивая остатки чая, с укором посмотрела на старика. — По-моему, вы редкий циник.

— Не, будь я циником, наверняка сказал бы сто тридцать долларов. (Эта фраза рассмешила Дэйва). В любом случае он оставил сотню, а это на тридцать пять долларов больше, чем нужно, даже с двадцатью процентами чаевых. Когда Хелен принесет чек, я подпишу его, потому что «Островитянина» здесь тоже покупают.

— И дадите на чай больше двадцати процентов, надеюсь, — сказала Стефани, — учитывая ее семейное положение.

— А вот тут ты ошибаешься, — сказал Дэйв.

— Я ошибаюсь? И почему же?

Он терпеливо посмотрел на нее:

— Что ты сейчас думаешь? Что я дешевка? Жлоб-янки?

— Нет, этому я склонна верить не больше, чем тому, что все негры — лентяи, а французы круглые сутки думают только о сексе.

— Тогда поработай мозгами! Господь наградил тебя не самыми худшими из тех, что бывают.

Стефани попыталась проанализировать ситуацию, а старики с интересом наблюдали за ней.

— Она приняла бы это в качестве благотворительности, — выдала девушка, наконец.

Винс и Дейв весело переглянулись.

— Что? — не поняла Стефани.

– Дорогуша, раз уж мы вернулись к теме лентяев-негров и озабоченных французов, – сказал Дейв намеренно растягивая свою новоанглийскую речь до почти пародийного бормотания, – поговорим тогда и о гордой женщине янки, не признающей благотворительности.

Чувствуя, что углубляется в социальные дебри, Стефани сказала:

– Но она должна взять. Ради детей, не ради себя.

– Человек, оплативший наш обед, прибыл издалека, – продолжал гнуть свое Винс. – А, как убеждена Хелен, люди издалека буквально набиты деньгами.

Польщенная его терпением и учтивостью в ее адрес, Стефани огляделась, сначала окинув взглядом патио, где они сидели, а затем взглянув на окна закусочной. Она заметила интересную вещь: почти все посетители, что сидели снаружи, были местные, также как и обслуживающие их официантки. А внутри сидели курортники, так называемые «пришлые», и их обслуживали официантки помоложе и посимпатичнее, также не местные. Летнее подкрепление. И вдруг ей все стало ясно. Рановато ей считать себя социологом. Решение было под носом.

– Официантки «Серой чайки» делят все чаевые поровну, не так ли? Вот о чем речь.

Винс указал пальцем в ее сторону, точно целясь из пистолета, и сказал:

– В яблочко!

– И что же вы сделаете?

– Что я сделаю, – ответил старик, – так это дам на чай пятнадцать процентов, когда буду подписывать чек, а сорок долларов из наличности бостонского журналиста положу в карман Хелен, и эта сумма целиком достанется ей. А чего не видит глаз, то не ранит совесть.

– Вот так в Америке ведутся дела, – торжественно произнес Дейв.

– И знаете, что мне нравится больше всего? – сказал Винс Тигги, подставив лицо солнцу. Он зажмурился, защищаясь от яркого света, и от этого на его коже ожили тысячи морщинок. Они не старили его, но позволяли выглядеть на восемьдесят.

– Что? – спросила Стефани, повеселев.

– Мне нравится, как деньги ходят и ходят по кругу, как одежда в химчистке. Нравится наблюдать за этим. И на этот раз, когда механизм вращения остановился, деньги закончили свой путь здесь, на Лосином острове, где они людям действительно нужны. А для полного осознания совершенства

произошедшего вспомните: горожанин заплатил за наш обед, а ушел ни с чем.

— Вообще-то, он скорее убежал, — сказал Дейв, — чтобы успеть на эту лодку. Это напомнило мне стишок Эдны Миллей: «Веселые, но от усталости с трудом всю ночь гоняли мы туда-сюда паром». Не совсем в тему, но близко.

— Веселым он не выглядел. Но к месту своей следующей остановки будет усталым, это точно, — сказал Винс. — Он вроде упоминал Мадаваску. Может, ему и попадетя там что-нибудь необъяснимое. Например, как в таком месте могут жить люди. Дейв, выручай.

Стефани была уверена в том, что между двумя стариками существовала какая-то телепатическая связь, примитивная, но действенная. Она уже видела несколько раз ее проявления с тех пор, как три месяца назад приехала на Лосиный остров. И сейчас происходило что-то из этой серии. Их официантка возвращалась с чеком в руке. Дейв сидел к ней спиной и только Винс видел, что она приближалась. Но его напарник без слов догадался, что нужно было делать.

Дейв полез в карман, достал бумажник, вынул из него две купюры, свернул их между пальцами и протянул через стол. Секундой позже к ним подошла Хелен. Одной шишковатой рукой Винс взял у нее чек, а из другой в карман форменной юбки скользнули купюры.

— Спасибо, дорогуша, — сказал он.

— Десерт точно не хотите? — спросила Хелен. — Есть шоколадно-вишневый пирог Мака. В меню его нет, но у нас еще немного осталось.

— Я пас. А ты, Стеффи?

Та отрицательно мотнула головой. Дейв Боуи, скрепя сердце, тоже отказался. Хелен удостоила его (если можно так выразиться) суровым, осуждающим взглядом:

— Тебе надо поправиться, Винс.

— Мы с Дейвом, как Джек Спрэт с женой, — весело откликнулся тот.

— А-а, — Хелен взглянула на Стефани, и один из ее усталых глаз вдруг шутливо подмигнул девушке. — Мисс, ну и парочку вы выбрали.

— Они молодцы, — сказала Стефани.

— Ну конечно. И после этого вы, возможно, сразу попадете в «Нью-Йорк таймс», — усмехнулась Хелен. Она собрала тарелки и сказала:

— Я вернусь за остальным.

— Когда она обнаружит эти сорок долларов в кармане, — сказала Стефани. — Она догадается, кто их туда положил?

Она снова оглядела патио, где две дюжины посетителей пили кофе, чай со льдом, пиво или ели шоколадно-вишневый пирог, которого не было в меню. Не многие из них были похожи на того, кто положил бы сорок долларов наличными в карман официантки, но все же такие были.

— Может быть, и догадается, — ответил Винс. — Но скажи мне кое-что, Стеффи...

— Конечно, если смогу.

— Если бы она не догадалась, это сошло бы за анонимное ухаживание?

— Не понимаю, о чем вы.

— А мне кажется, понимаешь, — сказал он. — Пошли, вернемся к работе. Новости ждать не станут.

— 2 —

Что Стефани больше всего любила в «Еженедельном островитянине», так это великолепный вид залива Мэн, открывающийся перед ней, стоило отойти на шесть шагов от стола. Он очаровал ее в первый же день, и за три месяца, потраченных в основном на составление рекламных объявлений, она не смогла налюбоваться этим зрелищем. Все, что нужно было сделать, это выйти на балкон, тянувшийся вдоль всего похожего на амбар здания издательства. Да, воздух пах рыбой и водорослями, но на Лосином острове все так пахло. Стефани поняла, что к этому можно привыкнуть. Более того, как только перестаешь замечать этот запах, начинаешь принюхиваться, искать его повсюду и наконец понимаешь, что жить без него не можешь.

Если стоит безоблачная погода, как в тот день конца августа, можно до мельчайших деталей разглядеть каждый дом, пирс и лодки, находящиеся на побережье Тиннок. Стефани могла даже разобрать надпись «саноко» на корпусе топливного насоса и название «Лили Бет» на борту легкого рыболовецкого судна, кормильца на отдыхе, ожидающего чистки и покраски. Она наблюдала, как тысячи солнечных зайчиков, весело переливаясь, отскакивали от сотен жестяных деревенских крыш, и как мальчишка в потрепанных шортах и фуфайке ловил рыбу с покрытого галькой замусоренного пляжа около бара Престона. А между деревней Тиннок (которая на самом деле была довольно крупным городом) и Лосиным островом солнце играло на самой синей воде, которую она когда-либо видела.

В такой день возвращение на Средний Запад казалось невозможным. И даже когда напал туман, в котором тонул

материк, а печальный вой сирены звучал, как рев первобытного чудовища, мысль об отъезде не становилась привлекательнее.

— Будь осторожна, Стеффи, — сказал как-то Дэйв, когда та сидела на своем столе, держа на коленях желтый рабочий блокнот, в который широким почерком с наклоном влево были занесены наброски наполовину составленной рубрики «Об искусстве». — Жизнь на острове, как малярия. Проникнет в кровь — не избавишься.

И вот, включив свет (солнце садилось и в длинной комнате уже начало темнеть), она села за стол и перед ней оказался верный блокнот с новым вариантом рубрики «Об искусстве» на первой странице. Эта статья могла быть заменена любой из шести подобных, созданных Стефани, но все равно оставалась предметом ее гордости. Несмотря ни на что, это ее работа, за которую платили. И Стефани не сомневалась, что там, где продают «Еженедельного островитянина», а он пользовался спросом, люди читают эту рубрику.

Винс сел за стол, негромко, но, вполне внятно хрюкнув, после чего последовал хруст, когда он повернул туловище сначала влево, а затем вправо. Это называлось «наладить спину». Дэйв говорил, что когда-нибудь Винс парализует себя с головы до пят «налаживая спину». А тот включил компьютер пока главный редактор сидел на углу его стола, затем смастерил зубочистку и начал ковырять ею в верхней вставной челюсти.

— Что у нас сегодня? — спросил Дэйв. — Пожар? Наводнение? Землетрясение? Или народное восстание?

— Я подумываю начать с пожарного гидранта, на Бич Лейн, который сшибла Элен Данвуди, когда у ее машины отказали тормоза. А затем, как только дойду до нужной кондиции, примусь за переписывание библиотечной передовицы, — ответил Винс и хрустнул костяшками пальцев.

Дэйв посмотрел на Стефани со своего места, которым стал угол стола Винса.

— Сначала спина, теперь костяшки, — произнес он. — А вот сыграл бы он «Сухие кости» на своих ребрах, мы отправили бы его в «Американский идол»*.

* «Американский идол» — телепередача о звездах кино и шоу-бизнеса.

— Вечно он критикует, — дружелюбно отозвался Винс, ожидая загрузки компьютера. — Знаешь, Стефф, как-то все это

неправильно. Вот я, девяностолетний старик, одной ногой в могиле, работаю за новеньким компьютером «Макинтош», а вот ты в свои двадцать два, обворожительная, свежее молодого персика, исписываешь желтые листки блокнота, как старая служанка викторианской эпохи.

— Не думаю, что желтые рабочие блокноты были изобретены в викторианскую эпоху, — сказала Стефани, и разворошила бумаги на своем столе. В июне, когда она только пришла в «Еженедельный островитянин» ей дали самый маленький стол из всех что имелись — он был немногим больше парты старшеклассника — и поставили его в угол. В середине июля ей уже предоставили стол побольше и поместили его в центр комнаты. Это было приятно, но расширение рабочего места привело к увеличению количества отвлекающих предметов. И сейчас ее взгляд блуждал по груде бумаг, пока не наткнулся на ярко-розовый рекламный проспект.

— Кто-нибудь из вас знает, какая выгода организации от «Ежегодных прогулок, пикников и танцев в конце лета на ферме Джернерда».

— Эта организация состоит из Сэма Джернерда, его жены, пятерых детей и различных кредиторов, — сказал Винс, а его компьютер пикнул. — Я хотел сказать тебе, Стефф, ты отлично поработала с этой рубрикой.

— Да это так, — согласился Дэйв. — Тебе пришлось дюжины две писем, если не ошибаюсь, и лишь одно из них с претензиями, от миссис Эдины Стин, южноанглийской королевы грамматики, но она сумасшедшая.

— Совершенно с катушек съехала, — подтвердил Винс.

Стефани улыбнулась, задумавшись над тем, как редко чувство глубокого и искреннего счастья переполняет нас, после того, как мы прощаемся с детством.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо вам обоим.

А затем продолжила:

— Можно спросить кое о чем? Только честно!

Винс повернулся на стуле и посмотрел на нее.

— Все что угодно, если это избавит меня от миссис Данвуди и пожарного гидранта, — сказал он.

— А меня от счет-фактуры, — подхватил Дэйв. — Хотя уйти домой, пока она не будет готова, я не смогу.

— Не позволяй этим бумажкам тобой командовать, — сказал Винс, — сколько раз повторять?

— Тебе легко говорить, — ответил Дэйв. — Сам-то уже лет десять в счета не заглядывал, не говоря уж о том, чтобы заниматься ими.

Стефани была решительно настроена на то, чтобы не позволить им уйти от ответа, или увести ее от темы и завлечь в эту перепалку:

— Ну-ка хватит, оба!

Они удивленно посмотрели на нее и замолчали.

— Дэйв, вы сказали мистеру Хэнретти из Бостона, что проработали вместе с Винсом в «Островитянине» сорок лет.

— Пусть так.

— А начали вы в тысяча девятьсот сорок восьмом, Винс?

— Это правда, — подтвердил тот. — Сначала, до лета сорок восьмого, были «Еженедельный потребитель» и «Вести торговли», которые раздавались бесплатно в магазинах на острове и на материке. Я был молод, напорист и мне жутко везло. Это тогда горели Тиннок и Ханкок. Те пожары... я бы не сказал, что газета началась с них, хотя в то время такое случалось, но они были удачным началом, это точно. У меня до тысяча девятьсот пятьдесят шестого года не было так много рекламных объявлений, как летом сорок восьмого.

— Итак, вы работаете здесь больше пятидесяти лет и за все это время ни разу не столкнулись ни с чем необъяснимым? Разве это возможно?

Дэйв Боуи был поражен:

— Мы никогда так не говорили.

— Боже правый! — воскликнул Винс, удивленный не меньше своего напарника.

Минуту-другую они держали себя в руках, но поскольку Стефани Маккен продолжала переводить взгляд с одного на другого, строго, как сельская учительница в вестерне Джона Форда, они больше не могли сдерживаться. Сначала уголки рта Винса Тигги начали подрагивать, затем у Дэйва Боуи задергался глаз. Все могло бы обойтись, но стоило им посмотреть друг на друга, как тут же оба расхохотались, словно два самых старых ребенка на свете.

— 3 —

— Это ты рассказал Хэнретти о «Милой Лизе»? — отсмеявшись, обратился Дэйв к Винсу. «Милой Лизой Кабо» называлась рыбацкая лодка, которую волны вынесли на берег соседнего острова Смэк в двадцатых годах. Пятеро из шести рыбаков пропали без вести, а один был найден мертвым в носовом трюме. — Как думаешь, сколько раз он слышал эту историю на нашей части побережья?

— Ой, не знаю. Интересно, где он успел побывать, прежде чем добрался до нас? — Винс начал перечислять, и вот оба снова залились оглушающим хохотом; Винс хлопал по костлявой коленке, а Дэйв звонко шлепал по пухлым ляжкам.

Стефани, нахмурившись, наблюдала за ними. Ее все это не злило и не смешило (ну если только чуточку), она просто пыталась понять, в чем причина их необузданного веселья. Сама она считала историю о «Милой Лизе Кабо» подходящей для, по крайней мере, одной из восьми статей рубрики «Необъяснимое из Новой Англии», но она ни глупой, ни невнимательной, чтобы не заметить, что мистеру Хэнретти этой информации явно недостаточно. По его лицу она сразу догадалась, что он уже слышал эту историю и возможно не один раз за время спонсируемых журналом исследований побережья от Бостона до Лосинового острова.

Винс и Дэйв закивали в ответ, когда она высказала свои предположения.

— Н-да, — сказал Дэйв. — Хэнретти чужак, но это не значит, что он ленив или глуп. Загадка «Милой Лизы», несомненно связанная с вооруженными бутлегерами, которые сплавляют хуч из Канады (хотя достоверно этого никто не знает), давным-давно всем известна. О ней написано в полудюжине книг, не говоря уж о журналах янки и Новой Англии. И скажи-ка, Винс, «Бостон глоуб» случайно не...

Винс кивнул.

— Вполне возможно. Лет семь или девять назад. В воскресном приложении к выпуску. Хотя, может, я путаю с журналом «Провиденс». Но я уверен, что статья о мормонах, которые объявились в порте Свободы и пытались заложить бомбу в пустыне Мэн, была в «Портленд санди телеграм».

— О береговых огнях 1951 года пишут во всех газетах почти каждый Хэллоуин, — весело сказал Дэйв, — не считая вэбсайтов об НЛО.

— А в прошлом году женщина написала книгу о массовом отравлении на церковном пикнике в Ташмуре, — добавил Винс. Это была последняя история о необъяснимом, которую они выжали из себя для приезжего журналиста, сразу после чего тот заторопился на паром в полвторого. Теперь Стефани казалось, что Хэнретти можно понять.

— Так вы морочили ему голову, — сказала она, — дразнили старыми небылицами?

— Нет, дорогуша! — сказал Винс с неподдельным возмущением (так, по крайней мере, показалось Стефани). — Каждая из них подлинная необъяснимая загадка этих мест, побережья Новой Англии.

— Мы же не могли быть уверены в том, что он знает эти истории, пока не выложили ему все, — резонно заметил Дэйв. — Но его осведомленность нас вовсе не удивила.

— Ага, — подтвердил Винс. В его глазах играли веселые искорки. — Признаюсь, это старые байки. Но они сослужили нам хорошую службу: мы отлично пообедали, не так ли? А еще понаблюдали за тем, как деньги ходят по кругу и попадают именно туда, куда нужно... например, в карман Хелен Хафнер.

— А эти истории действительно все, что у вас есть? Эти избитые анекдоты, превратившиеся в пошлость от постоянного упоминания в книгах и крупных газетах?

Винс посмотрел на своего старого товарища:

— Я так сказал?

— Не-а, — ответил Дэйв. — Кажется, я тоже ничего подобного не говорил.

— Итак, какие же еще загадочные истории вам известны? И почему вы не рассказали их журналисту?

Старики переглянулись, и Стефани снова почувствовала действие телепатической силы. Винс легким кивком указал на дверь. Дэйв встал, пересек ярко освещенную часть длинной комнаты (на неосвещенной половине громоздился офсетный станок старой модели, который не использовался уже больше семи лет), кивнул в ответ и закрыл дверь. Затем он вернулся на место.

— Закрыто? Средь бела дня? — спросила Стефани, почувствовав смутную тревогу, но не выдав ее голосом.

— Если придут с новостями, то постучат, — объяснил Винс. — Если новости будут важными, то станут ломиться в дверь.

— А если в порту вспыхнет пожар, то мы услышим сигнал тревоги, — сказал Дэйв. — Давай, вылезай из-за стола, Стеффи. Солнца в августе слишком мало, чтобы им пренебрегать.

Она посмотрела на Дэйва, затем на Винса Тигги, который в восемьдесят соображал также быстро, как в сорок пять. Она была в этом уверена.

— Здесь школа? — спросила она.

— Точно, — ответил Винс, улыбаясь, но она поняла, что он говорит серьезно. — И знаешь, что хорошо для таких стариков, как мы?

— Вы учите тех, кто хочет учиться.

— Пусть так. Ты хочешь учиться, Стеффи?

— Да, — не раздумывая, ответила та, несмотря на странное внутреннее беспокойство.

— Тогда пойдем, посидим на свежем воздухе, — сказал он. — Выйдем и немного посидим.

Она послушалась.

— 4 —

Солнце дарило тепло, а ветер прохладу. Соленый бриз приносил с моря звон склянок, сигнальные гудки и шум прибоя — звуки которые она за несколько недель полюбила. Мужчины сидели по разные стороны от нее и размышляли об одном и том же: старость рядом с красотой. Их добрые намерения оправдывали такие мысли, ничего плохого в этом не было. Они понимали, как хорошо она работает и как страстно хочет учиться; такое рвение вызывает желание учить.

— Итак, Стеффи, — начал Винс, когда они устроились. — Подумай еще раз о тех историях, что мы рассказали Хэнретти за обедом, — «Лиза Кабо», «береговые огни», «бродячие мормоны», «отравление церковной паствы в Ташмуре», которые остаются загадками — и скажи мне, что в них общего.

— Они все необъяснимы.

— Попробуй еще раз, дорогуша, — сказал Дэйв. — Ты меня разочаровываешь.

Она взглянула на него и поняла, что это была шутка. Понятно, почему Хэнретти затащил их на обед в первое попавшееся заведение: редакция собиралась издать восемь выпусков журнала с рубрикой «Необъяснимое» с сентября по Хэллоуин (может быть, даже десять выпусков, как сказал Хэнретти, если ему удастся откопать что-нибудь особенное).

— Они все затерты до дыр.

— Уже лучше, — сказал Винс. — Но ты недалеко продвинулась. Задай-ка себе такой вопрос, юная особа: почему они затерты до дыр? Зачем новоанглийским газетам как минимум раз в год вытаскивать из закромов «береговые огни» с кипой расплывчатых фотографий, сделанных больше полувека назад? Зачем местным газетам, таким как «Янки» или «Побережье» как минимум раз в год брать интервью у Клейтона Риггз и Эллы Фергюсон, как будто те выпрыгнут, как чертик из табакерки, и расскажут что-то совершенно новое?

— Я не понимаю, о ком вы говорите, — сказала Стефани.

Винс хлопнул себя по затылку:

— Вот болван. Все забываю, что ты приезжая.

— Это комплимент?

— Возможно; скорее всего. Клейтон Риггз и Элла Фергюсон это те двое, что выпили холодный кофе у озера

Ташмур и уцелели. Женщина в добром здравии, а вот у Риггза парализовало всю левую половину тела.

— Это ужасно. И у них продолжают брать интервью?

— Пусть берут. Пятнадцать лет прошло, и думаю, любой, у кого есть хоть немного мозгов, понимает, что за отравление восьми человек, из которых шестеро погибли, никто уже арестован не будет. Но Фергюсон и Риггз все еще появляются в прессе, на глазах становясь все дряхлее. «Что же произошло в тот день?» или «Кошмар у озера» или ... ну, ты поняла. Такие истории нравятся людям не меньше чем «Красная шапочка» или «Три поросенка». Вопрос: почему?

Но Стефани уже думала о другом.

— Наверняка вы что-то не договариваете, — сказала она.
— Но что?

Старики снова переглянулись, но на этот раз она даже предположить не могла, что означал этот взгляд. Они сидели на одинаковых складных стульях, Стефани скрестила руки перед собой, положив ладони на локти. Дэйв наклонился вперед и похлопал ее по руке.

— Мы ведь расскажем ей, Винс?

— Думаю да, — ответил тот. И снова на его лице ожили морщинки оттого, что он улыбнулся солнцу.

— Но если хочешь плыть на пароме, надо угостить чаем штурмана. Слышала об этом?

— Да, где-то слышала, — ей вспомнились старые мамины музыкальные записи, хранившиеся на чердаке.

— Хорошо, — сказал Дэйв. — Мы спрашиваем, ты отвечаешь. Хэнретти не нужны эти избитые истории. Но почему они так избиты?

Стефани задумалась, и ее не торопили. Им нравилось наблюдать за ней.

— Ну, — сказала она наконец, — наверное, людям нравятся истории от которых по спине бегает мурашки. Особенно, когда зимним вечером дома горит свет, и потрескивают дрова в камине. Истории о неизведанном и загадочном.

— Много ли загадочного должно быть в каждой истории?

Она открыла было рот, чтобы ответить: «ну, например, шесть загадочных смертей», но тут же снова его закрыла. Шестеро погибло в тот день на берегу озера Ташмур, но огромная доза яда была на всех одна, и, скорее всего, отравитель был один. Ей не было известно, сколько раз появлялись береговые огни, но люди определенно воспринимали это как единичные события. Поэтому...

— Одно? — спросила Стефани, чувствуя себя участником географической олимпиады. — Одно загадочное событие должно быть в каждой истории?

Винс, улыбаясь, указал на нее пальцем, и Стефани успокоилась. Они не в школе, и этим двоим она не перестанет нравиться, если даст неверный ответ, но ей захотелось угодить старикам, как лучшим учителям школьных и студенческих лет. Тем, что были суровы при исполнении своих обязанностей.

— Следующий важный момент: люди должны верить в то, что есть какое-то объяснение произошедшему. Они придумывают чертовски интересные версии, — сказал Дэйв. — Вот, например, «Милая Лиза», вынесенная на камни побережья острова Смэк чуть южнее Дингл Нук в 1926-ом...

— 27-ом, — поправил Винс.

— Ладно, в 27-ом, умник, и Теодор Рипонокс все еще на борту, но мертвее камня, а остальные пятеро рыбаков просто пропали. И хотя никаких следов борьбы и крови не было обнаружено, люди заговорили о том, что это, должно быть, дело рук пиратов. И теперь существует история о том, что у рыбаков была карта сокровищ, что они откопали золото, а те, кто его охранял, отобрали у них награбленное, и Бог знает, что было дальше.

— Или о том, что они, должно быть, передрались между собой, — добавил Винс. — Эту версию любят больше других. Есть истории, которые одним людям нравится рассказывать, а другим слушать, но Хэнретти достаточно опытен и знает, что в издательстве не клюнут на эту много раз разогретую бурду.

— По крайней мере, ближайшие десять лет, — уточнил Дэйв.

— Потому что новое — это давно забытое старое. Можешь не верить, Стеффи, но это действительно так.

— Я верю, — сказала она, пытаясь вспомнить, кто пел песню «Чай для штурмана», Эл Стюарт или Кэт Стивенс.

— А теперь о береговых огнях, — продолжал Винс. — Легко объяснить причину их особенной популярности. Они запечатлены на фотографии. Возможно, это просто отражение огней Элсуорта от низких облаков, которые, сливаясь, приобретали очертания, напоминающие огромные блюдца. Под ними можно разглядеть ребят из юношеской команды «Ханкокские лесорубы», все в форме и, как один, смотрят вверх.

— А один мальчик указывает на огни рукой в перчатке, — сказал Дэйв. — Это дополняет картину. Глядя на фотографию, все говорят: «Это, должно быть, инопланетяне заглянули

ненадолго, чтобы посмотреть, как проводится знаменитая американская игра». Вот вам и загадочное событие с приложением в виде картинки, которую можно долго разглядывать. Поэтому люди снова и снова вспоминают об этом.

— Но не в «Бостон глоуб», — заметил Винс. — Хотя, думаю, при крайней необходимости и они этим не побрезгуют. Мужчины рассмеялись беспечно, как старые друзья.

— Итак, — сказал Винс. — Нам известны одна или две истории о необъяснимом.

— Ну, одна-то уж точно. Но в ней нет ни одного «должно быть».

— Бифштекс, — произнес Винс с сомнением.

— Да ну и пусть, одно это уже загадка, ты не находишь? — спросил Дэйв.

— Н-да, — согласился Винс, и теперь ни в его голосе, ни в поведении не было беспечности.

— Вы меня сбили с толку, — вмешалась Стефани.

— Пусть так. История о дитя Колорадо сбивает с толку, еще как, — сказал Винс. — Поэтому она, знаешь ли, не для «Бостон глоуб». Слишком много непонятого в том, с чего она начинается. И не одного «должно быть» на протяжении всего рассказа, — он наклонился вперед, гипнотизируя ее взглядом прозрачных голубых глаз янки. — Ты хочешь быть журналистом?

— Вы знаете, что хочу, — удивленно ответила Стефани.

— Тогда вот секрет, который знает каждый опытный журналист: в реальной жизни настоящих историй, таких, у которых есть начало, середина и конец, почти не бывает. Но если ты предоставишь читателю что-нибудь загадочное (в крайнем случае, пару каких-нибудь загадочных событий) и добавишь к этому то, что Дэйв Боуи называет «версией», читатель сам себе расскажет историю. Потрясающе, правда?

— Возьмем, например, отравление на церковном пикнике. Остается загадкой, кто убил тех людей. Но известно, что у Роуди Паркс, секретаря ташмурской методистской церкви, и Уильяма Блэйки, пастора методистской церкви, был скоротечный роман за полгода до события на берегу озера. Блэйки был женат и порвал с любовницей. Ты меня слушаешь?

— Да, — сказала Стефани.

— Также известно, что Роуди Паркс тяжело переживала разрыв, по крайней мере, какое-то время. Так сказала ее сестра. Что еще известно? Роуди Паркс и Уильям Блэйки выпили тот отравленный холодный кофе на пикнике и умерли. Какие версии? Отвечай сразу, Стеффи.

— Роуди, должно быть, отравила кофе, чтобы отомстить любовнику за обман, а затем и сама выпила его, чтобы покончить с собой. Еще четверо погибших и один пострадавший — так называемые побочные жертвы.

Винс щелкнул пальцами.

— Пусть так. Все это домыслы. Газеты и журналы их не печатают — в этом нет необходимости. В издательствах знают, что молва все расставит по местам. А почему твоя версия неверна? Опять отвечай сразу.

На этот раз произошла заминка, которая могла подпортить репутацию Стефани. Никак не получалось опровергнуть собственную версию. Она уже было хотела протестовать, сославшись на то, что плохо знает дело, когда Дэйв встал, подошел к перилам, посмотрел в сторону Тиннока и мягко сказал:

— Зачем ей нужно было ждать полгода?

— А разве не сказано кем-то, что месть это блюдо, которое лучше есть в холодном виде? — спросила Стефани.

— Пусть так, — ответил Дэйв также мягко. — Но вряд ли ради мести кто-то пойдет на убийство шестерых человек. Ясно, что мотив мог быть каким угодно, только не таким. Береговые огни тоже могли быть отражением на облаках или секретными военно-воздушными испытаниями, управляемыми с базы в Бангоре, или, как знать, может, это маленькие зеленые человечки заглянули узнать, отыграются ли «Ханкокские лесорубы» у «Тиннокских механиков».

— Чаще всего люди сами придумывают историю и верят в нее, — объяснил Винс. — Это не сложно при наличии чего-нибудь загадочного: неизвестного отравителя, созвездия таинственных огней, или лодки, прибитой к берегу почти без команды. Но что касается «Дитя Колорадо», то там сплошные загадки, и поэтому истории как таковой нет.

Он помолчал немного.

— Это как кортеж Санты, выезжающий из камина, или табун лошадей, преградивший дорогу. Невелико событие, но уж больно странное. Такие вещи, — он затряс головой, — Стеффи, люди не любят таких вещей. Они не хотят, чтобы подобное случилось. Приятно смотреть, как волны разбиваются о берег, но в сильный шторм приступ морской болезни неизбежен.

Стефани невольно посмотрела в сторону бухты, вода в которой блестела на солнце. Волн было достаточно, но они были сегодня невелики. Она про себя отметила это.

— Есть и еще кое-что, — немного погодя сказал Дэйв.

— Что? — спросила она.

— Это наше, — произнес он с неожиданной силой в голосе. Ей показалось, что это была почти злость. — Парень из Бостона, чужак, он бы только все изгадил. Он бы не понял.

— А вы понимаете? — спросила она.

— Нет, — ответил он, снова садясь. — Но мне и не надо. Я отношусь к «Дитя Колорадо», как Дева Мария к рождению Иисуса. В Библии написано что-то вроде: «но Мария хранила молчание и принимала все сердцем». С загадками иногда лучше поступать именно так.

— Но вы мне расскажете?

— О да, мэм! — он взглянул на нее, словно удивился этому вопросу, очнувшись от неглубокого забытья. — Потому что ты одна из нас. Ведь так, Винс?

— Пусть так, — сказал Винс. — Ты успешно прошла проверку где-то в середине лета.

— Неужели? — она снова была безумно счастлива. — Но как? Что за проверка?

Винс покачал головой:

— Не могу сказать, дорогая. Только в какой-то момент стало ясно, что ты нам подходишь.

Он посмотрел на Дейва, тот кивнул. Затем Винс снова обратился к Стефани.

— Ну ладно, — сказал он. — История, которую мы не рассказали за обедом. Наша и только наша необъяснимая тайна. История о дитя Колорадо.

— 5 —

Но начал рассказывать не Винс, а Дэйв.

— Двадцать пять лет назад, — заговорил он, — это был восьмидесятый год, и зима уже закончилась (здесь, на побережье, она не такая длинная, как в районах, удаленных от моря), двое ребят отправились в школу на пароме не в 7:30, а в 6:30. Это были парень и девушка, бегуны из команды межрайонной школы Бэйвью, которые совершали пробежку сначала по острову, вдоль пляжа Хэммок до главной дороги, затем по Бэй-стрит и по городской пристани. Видишь ее, Стеффи?

Да, она видела это место со всей его романтической привлекательностью. Она не могла лишь видеть, что же парень с девушкой делали дальше, оказавшись на тиннокской части залива. Стефани знала, что около дюжины детей отправляются в школу с Лосинового острова на пароме в 7:30. Они

предъявляют свои пропуска паромщику – Нерби Госслин или Марси Лэйгес – и, отмеченные короткой вспышкой сканера штрих-кода, проходят через турникет. А на той стороне, где находится Тиннок, их уже ждет школьный автобус, чтобы отвезти детей за три мили в школу Бэйвью. Стефани спросила, стали ли бегуны дожидаться автобуса, но Дэйв, улыбнувшись, покачал головой.

– Не-а, побежали дальше, – сказал он. – Не за руки, но наверняка, до этого бежали именно так. Они всегда ходили вместе, Джонни Грэйвлин и Нэнси Арнолт. Пару лет они были просто неразлучны.

Стефани выпрямилась на стуле. Она знала Джона Грэйвлина. Это был мэр Лосинового острова, общительный человек, любезный со всеми и метящий в Августу*, в сенат. Он уже начал лысеть, а живот заметно выдавался вперед. Стефани попыталась представить его поджарым спортсменом, пробегающим каждый день две мили по побережью острова и еще три по материку, и не смогла.

* Августа – административный центр штата Мэн, где заседает сенат штата.

– Что, не похож? – спросил Винс.

– Ни капельки, – призналась она.

– Это потому что вместо футболиста и бегуна, заводилы по пятницам и любовника по субботам ты видишь мэра Джона Грэйвлина, местного политика, похожего на жабу в маленьком заросшем пруду. Проходя по Бэй-стрит, он здороваётся за руку со всеми встречными и скалится, сверкая золотыми зубами, любезничает с ними, и каждого не только знает по имени, но и помнит, кто ездит на «форде», а кто все еще мучается со старым отцовским комбайном «интернационал». Он карикатурный персонаж из фильма сороковых годов о политиках-выскачках из небольших городов. Он настолько провинциален, что не осознает этого. Немного пороха в нем еще осталось, – прыгай жаба, прыгай – попав на кувшинку-Августу, он либо проявит мудрость и остановится, либо прыгнет еще выше и от него останется мокрое место.

– Это так цинично, – не без юношеского восхищения сказала Стефани.

Винс пожал костлявыми плечами:

– Да ладно, я тоже персонаж, дорогая. Только в моем кино газетчик с запонками на рукавах и глазами, вокруг которых от постоянного чтения легли тени, доходит до того, что в последней сцене кричит: «Остановите прессу!». Я хочу

сказать, что Джонни тогда был другим человеком, стройным, как перьевая ручка, и быстрым, как стрела. Он показался бы тебе почти богом, если бы не раздробленные зубы, которые он теперь заменил.

— А она... в узеньких коротких красных шортах... она была настоящей богиней, — он помолчал, — как и многие девушки в семнадцать лет.

— Не опошляй, — сказал ему Дейв.

— И в мыслях не было, — удивился Винс. — Я о высоком.

— Ну, если так, — сказал Дэйв. — Признаться, она действительно привлекала взгляды и была на пару дюймов выше Джонни, возможно из-за этого они и расстались в десятом классе. Но тогда, в восьмидесятом, они были сильными, горячими и каждое утро бегали на этом берегу до парома, а на тиннокском берегу до холма Бэйвью, где была школа. Спорили о том, когда же Нэнси от него забеременеет, но этого так и не произошло; либо Джонни был ужасно порядочным, либо она была ужасно осторожна, — он задумался. — Или, черт их разберет, может, эти ребята были немного утонченней молодежи с материка.

— Это, наверное, из-за бега, — рассудительно заметил Винс.

— Не отклоняйтесь от темы, вы двое, — вмешалась Стефани, и мужчины засмеялись.

— По теме, — сказал Дэйв. — Как-то весенним утром в начале апреля 1980 года они увидели, что на пляже Хэммок сидит человек. Ну, знаешь пляж около самой деревни?

Стефани хорошо знала это милое место, где всегда было много отдыхающих. Как выглядит пустой пляж, она еще не видела, но после Дня Труда* такая возможность ей могла предоставиться; интернатура заканчивалась только пятого октября.

* День Труда — отмечается в США в первый понедельник сентября.

— Вообще-то, он не совсем сидел, — поправился Дэйв, — Они потом разглядели, что он полулежал, облокотившись спиной на одну из тех мусорных корзин, знаешь, основания которых закапывают в песок, чтобы их не сдул сильный ветер. Вес человека давил на корзину так... — Дэйв поднял руку вертикально, а затем немного наклонил ее в сторону.

— Так, что она накренилась, как Пизанская башня, — сказала Стефани.

— Точно подмечено. И еще, он был слишком легко одет для раннего утра, когда термометр показывал примерно 5 градусов, а из-за свежего морского бриза температура опускалась до нуля. На нем были серые слаксы и белая рубашка. На ногах мокасины. Ни пальто, ни перчаток. Недолго думая, ребята подбежали посмотреть, все ли с ним в порядке, хотя уже было ясно, что что-то не так. Позже Джонни говорил, что как только увидел его лицо, сразу понял, что этот человек мертв, Нэнси сказала то же самое. Но тогда они не захотели признать этого, не убедившись наверняка. А ты бы поступила иначе?

— Нет, — ответила Стефани.

— Он просто сидел там (ну... почти лежал), положив одну руку на колени, а другую, правую, на песок. На бледном, восковом лице выделялись маленькие фиолетовые пятна, по одному на каждой щеке. Глаза, как сказала Нэнси, были закрыты, веки и губы имели синюшный оттенок, а шея выглядела одутловатой. Его светлые, как песок, волосы были коротко стрижены, и только челка падала на лоб и трепетала на ветру, который дул почти беспрерывно.

«Вы спите, мистер? — спросила Нэнси. — Если да, то вам лучше проснуться». А Джонни Грейвлин сказал: «Он не спит, Нэнси, и не в обмороке. Он не дышит». Позже она говорила, что и сама заметила это, но не хотела верить. Естественно, бедная девочка. И она возразила: «А может, дышит. Может, он спит. Не всегда ведь можно увидеть, как дышит человек. Тряхни его, Джонни, проверь, не проснется ли». Джонни не хотелось этого делать, но показаться трусом хотелось еще меньше, поэтому он наклонился (когда мы, много лет спустя, выпивали в «Бикерс», он говорил мне, что ему пришлось собрать для этого все силы). Он рассказывал, что все понял, как только схватил человека за плечо, потому что под рукой он почувствовал не живую плоть, а будто протез. Но он начал трясти и звать: «Проснитесь мистер, проснитесь и...», — он хотел было сказать: «Умрите по-другому», но решил, что при сложившихся обстоятельствах это будет неуместно (в нем уже тогда проявлялись задатки политика), и изменил фразу на: «Вдохните аромат кофе!».

Он потрянул человека дважды. В первый раз ничего не произошло. Но от второго толчка голова незнакомца откинулась на левое плечо — Джонни тряс за правое — а все тело поползло вниз по стенке мусорной корзины и завалилось на бок. Голова хлопнулась о песок. Нэнси закричала и побежала обратно на дорогу так быстро, как только могла. А это, ручаюсь, было очень быстро. Если бы она не

остановилась там, то Джонни, скорее всего, пришлось бы гнаться за ней до конца Бэй-стрит и дальше, до конца первой пристани. Но она остановилась, и он, догнав, обнял ее. Никогда, по его словам, ему еще не было так приятно прикосновение живого тела. Он говорил, что так и не смог забыть, как схватил мертвеца за плечо, которое было словно деревянным под белой рубашкой.

Дэйв оборвал рассказ и встал.

— Я хочу холодной кока-колы, — сказал он. — У меня в горле пересохло, а история длинная. Кто-нибудь еще хочет?

Выяснилось, что хотят все, но пошла за напитками Стефани, которая была, так сказать, лицом заинтересованным. Вернувшись, она застала Винса и Дэйва у перил за созерцанием залива и далекого берега материка. Подойдя к ним, она поставила жестяной поднос на широкий поручень и раздала стаканы.

— На чем я остановился? — спросил Дэйв, сделав большой глоток.

— Ты прекрасно знаешь, на чем, — сказал Винс. — На том, как наш будущий мэр и Нэнси Арнолт, которая сейчас бог знает где, возможно в Калифорнии — все нормальные люди в итоге уезжают так далеко от острова, как это возможно без загранпаспорта — обнаружили дитя Колорадо мертвым на пляже Хэммок.

— Ага. Джон собирался бежать к ближайшей телефонной будке у районной библиотеки, чтобы позвонить Джорджу Воурносу, который тогда был начальником полиции Лосиного острова (сердечный человек, много времени прошло, прежде чем его наградили за все, что он сделал). Нэнси была не против, но хотела, чтобы Джонни снова посадил «того человека». Она называла его «тот человек». Не «мертвец», не «тело», а «человек».

Джонни сказал: «Не думаю, что полиции понравится, что я трогал его». Нэнси ответила: «Но ты уже трогал его. Я просто хочу, чтобы ты посадил его так, как он сидел». «Я, кстати, — продолжал Джонни, — сделал это только потому, что ты попросила». «Пожалуйста, Джонни, я смотреть не могу на него, и думать о нем не могу», — сказала она и заплакала, что, конечно, решило исход дела — Джонни пришлось отправиться туда, где возле отбросов лежит труп, в той же сидячей позе, но теперь щекой касаясь песка.

Тем вечером в «Бикерс» Джонни сказал, что ни за что на свете не сделал бы этого, если бы она не попросила и не стояла там, наблюдая за ним в ожидании, что он выполнит ее просьбу. Знаешь, я ему поверил. Мужчина ради женщины готов

сделать то, чего никогда бы не сделал, будь он один, то от чего любой держался бы подальше, даже будучи пьяным и окруженным подстрекающими его друзьями. Джонни рассказывал, что чем ближе он подходил к человеку, лежащему на песке, – тот просто лежал, согнув колени, словно сидел на невидимом стуле – тем сильнее становилась уверенность в том, что человек откроет глаза и попытается схватить его. И хотя Джонни знал, что это мертвец, чувство не ослабевало, более того, по его словам, оно становилось сильнее. Все же он подошел и, собрав волю в кулак, обхватил эти деревянные плечи и прислонил человека спиной к покосившейся мусорной корзине. Джонни сказал, что в тот момент думал о том, что корзина неизбежно с грохотом опрокинется, и тогда он закричит. Но корзина не опрокинулась, и он не закричал. Я убежден, Стеффи, что мы, несчастные, обречены всегда ожидать, что произойдет самое худшее, именно потому, что так получается очень редко. Это дает возможность смириться с тем, что всего лишь паршиво, ведь тогда оно кажется сносным и даже хорошим.

– Вы действительно так думаете?

– О да, мэм! В любом случае, Джонни уже хотел уйти, но заметил пачку сигарет, выпавшую на песок. И поскольку худшее было позади, а это было всего лишь паршиво, ему не составило труда подобрать ее, и он даже подумал, что надо будет рассказать об этом Джорджу Воурносу – на случай, если полиция найдет отпечатки пальцев на целлофане – и положил пачку обратно в нагрудный карман рубашки мертвеца. Затем он вернулся к Нэнси, которая ждала его, ежась от холода и переминаясь с ноги на ногу. Ей, наверное, было очень холодно в коротких шортах и спортивной куртке с эмблемой Бэйвью. Хотя, конечно, трясло ее не только от холода.

Но она недолго мерзла, потому что они тут же побежали к районной библиотеке. И клянусь, если бы кто-нибудь засек время, оно оказалось бы рекордным для забега на дистанцию в полмили или близко к рекордному. У Нэнси с собой было много четвертаков в маленьком кошельке в кармане спортивной куртки, и именно она позвонила Джорджу Воурносу, который в тот момент как раз одевался, чтобы пойти на работу (ему принадлежал «Вестерн-авто» на месте которого теперь церковные активистки устраивают благотворительные базары).

Стефани, несколько раз составлявшая рубрику «Об искусстве», кивнула.

– Джордж спросил, уверена ли она, что человек мертв, и Нэнси ответила «да». Затем он попросил передать трубку Джонни и задал ему тот же вопрос. Джонни ответил так же,

добавив, что человек был тверд как доска. Он рассказал, как покойник завалился на бок, и как сигареты выпали из кармана, а он вернул их на место. Джонни ожидал получить нагоняй за то, что сделал, но не получил. Ни от Джорджа, ни от кого-либо другого. Правда, все это не похоже на то, что показывают по телевидению?

— Пока нет, — ответила Стефани, подумав о том, что, на самом деле, это напоминает когда-то увиденный ею эпизод из сериала «Она написала убийство». Но, услышав пересказанный разговор, который оживил историю, она подумала, что персонажи Энджелы Лэнсбери не стали бы доносить в полицию, а попытались сами разгадать тайну. По крайней мере, сумели бы выяснить, откуда этот мертвец.

— Джордж сказал Джонни, чтобы они с Нэнси возвращались обратно на пляж и ждали его там, — продолжал Дэйв. — Велел им никого не подпускать к трупам. Джонни ответил «хорошо». А Джордж сказал: «Если не успеете на паром в 7:30, Джонни, я напишу объяснительную записку для тебя и твоей подружки». На что Джонни ответил, что это его волнует меньше всего. И они с Нэнси Арнолт побежали обратно на пляж Хэммок, но теперь не быстрым бегом, а трусцой.

Стефани поняла, почему. Дорога от пляжа Хэммок до Лосиной деревни шла под гору, а вот бежать в обратную сторону труднее, особенно после пережитого потрясения.

— Джордж Воурнос тем временем, — продолжил Винс, — позвонил доктору Робинсону с Бич Лейн.

Он помолчал, улыбаясь воспоминаниям. А может, просто для усиления эффекта.

— Затем он позвонил мне.

— 6 —

— На единственном пляже острова обнаружена жертва убийства, и местный блюститель порядка звонит местному редактору местной газеты? — переспросила Стефани. — Господи, это, действительно, совсем непохоже на «Она написала убийство».

— Жизнь на побережье Мэн очень редко похожа на «Она написала убийство», — резко сказал Дэйв. — И сейчас здесь все точно так, как двадцать пять лет назад, особенно, когда курортники разъезжаются, и мы, оставшись одни, жмемся друг к другу, как цыплята. Никакой романтики в этом нет, только что-то вроде, ну не знаю, называй это политикой солнечного света*. Все в курсе того, что происходит, поэтому нет

поводов для бесполезных пересудов. Убийство! Блжститель порядка! Тебе не кажется, что ты немного опережаешь события?

* Политика солнечного света – термин, используемый для определения отношений, основными принципами которых являются мирное сосуществование и взаимопомощь.

– Прости ей на этот раз, – сказал Винс. – Мы сами направили ее мысли в это русло разговорами об отравлении в Ташмуре. Стеффи, Крис Робинсон помогал двоим из моих детей появиться на свет. Моя вторая жена Арлетт, на которой я женился шесть лет спустя после смерти Джоанны, была другом семьи Робинсонов и даже встречалась с братом Криса, Генри, когда они вместе учились в школе. Дэйв говорит о таком укладе жизни, когда отношения между людьми выходят за рамки деловых.

Он поставил стакан с газировкой (которую он называл «допингом») на перила и поднял руки к лицу, развернув ладони к слушателям, жест, который Стефани находила милым и обезоруживающим. Он означал: «У меня от вас секретов нет».

– У нас тут маленький клуб только для своих. Так было всегда, думаю, так и останется, потому что больше нас не становится.

– Слава Богу, – проворчал Дэйв. – Никаких долбанных «Уол-мартов». Извини, Стеффи.

Она улыбнулась и сказала, что извинения приняты.

– В любом случае, – продолжал Винс, – я хочу, чтобы ты пока оставила идею об убийстве. Сможешь?

– Да.

– Думаю, ты к ней вернешься в конце, поэтому совсем исключать или забывать ее нельзя, как и многое другое, что касается дитя Колорадо, поэтому история эта не для «Бостонского Глобуса». Не говоря уж о «Янки», «Южной Англии» и «Побережье», ни в коем случае. Мы написали об этом, о да, потому что мы издаем газету, и новости – наша работа. Но от нас ждут статей об Элен Данвуди и пожарном гидранте, не говоря уж о парнишке Лестере, который поедет в Бостон для трансплантации почки, если доживет; и конечно, надо рассказать читателям о прогулке и танцах на ферме Джернерда, ведь так?

– Не забудьте про пикник, – шепнула Стефани. – Без этого картина будет неполной, а люди хотят знать все.

Мужчины засмеялись. Дэйв похлопал себя руками по груди, что здесь, на острове, означало: «отколола удачную шутку».

— Пусть так, дорогая! — согласился Винс, улыбаясь. — Но иногда происходит что-нибудь такое, например, на живописном пляже двое школьников во время утренней пробежки находят труп, и тогда говоришь себе: «С этим должна быть связана какая-то история». Не просто отчет с ответами на вопросы «что?», «почему?», «когда?», «где?» и «как?», а история, но оказывается, что ее-то, как раз, и нет. Лишь набор несвязанных между собой фактов, окружающих настоящую необъяснимую тайну. И это как раз то, дорогая, чего люди не хотят. Это их расстраивает. Слишком много волн. У них начинается морская болезнь.

— Аминь, — сказал Дэйв. — А теперь, почему бы тебе не рассказать остальное, пока в нашем распоряжении еще немного солнечного света?

И Винс продолжил.

— 7 —

— Мы с самого начала принимали участие в расследовании — под «мы» я подразумеваю себя и Дэйва, «Еженедельного островитянина» — но то, что Джордж Воурнос просил не печатать, в газете не появилось. Я решил, что в произошедшем нет ничего такого, что могло бы плохо отразиться на благополучии жителей острова, поэтому легко пошел на уступки. Такие решения газетчики принимают постоянно, и тебе придется, Стеффи, со временем ты к этому привыкнешь. Я лишь надеюсь, что ты никогда не станешь относиться к этому равнодушно.

Ребята вернулись на пляж и принялись сторожить тело. Хотя, вообще-то, и не от кого было сторожить — к тому моменту, как подтянулись Джордж и доктор Робинсон, они насчитали четыре машины, проехавших по направлению к городу, и не одна из них не притормозила около пары подростков, разминающихся бегом на месте и выполняющих упражнения на растяжку около маленькой парковки пляжа Хэммок.

Когда Джордж и доктор добрались до места, то отпустили ребят, которым, несмотря на свойственное всем людям любопытство, хотелось поскорее уйти. Тут мы с ними и простимся. Джордж припарковал свой «форд», доктор сгреб сумку в охапку, и они, выйдя из машины, направились туда,

где у мусорной корзины сидел человек. Он снова немного завалился набок, и первым делом Док усадил его прямо.

«Он мертв, Док?» — спросил Джордж.

«Господи, да он мертв уже, по крайней мере, часа четыре, а может шесть и даже больше, — ответил тот. (Как раз в этот момент я припарковал свой «шеви» рядом с «фордом» Джорджа.) — Он тверд, как доска. Трупное окоченение».

«Так ты думаешь, он здесь давно? С полуночи?» — спросил Джордж.

«Он мог быть здесь с прошлого Дня Труда, откуда я знаю, — ответил Док. — Но в одном я абсолютно уверен: он мертв с двух часов ночи. Судя по окоченению. Возможно, он мертв с полуночи, но я в этом не специалист. Если сильный ветер дул с берега, то степень окоченения соответствует...»

«Никакого ветра всю ночь, — сказал я, подходя к ним. — Тихо, как в склепе».

«Смотрите-ка, еще один чертов знаток, — сказал доктор Робинсон. — Может, ты и время смерти назовешь, Джимми Олсон?* ».

* Джимми Олсон — герой комиксов о Супермене, вездесущий репортер-фотограф, друг Супермена.

«Нет, — ответил я. — Предоставлю это вам».

«А я, наверное, оставлю это окружному мед-эксперту, — сказал он. — Каткарту из Тиннока. Государство платит ему лишних одиннадцать штук в год за квалифицированное выворачивание кишок. Не много, в моем мелочном понимании, но все ему одному. Я всего лишь терапевт. Ну и пусть. Этот парень умер около двух часов ночи, я бы определил так. Как раз к тому моменту, как скрылась луна».

Затем мы, наверное, с минуту стояли над трупом, как будто присутствовали при погребении. При одних обстоятельствах — минута ужасно малый отрезок времени, а при таких — она тянется бесконечно. Я помню шум восточного ветра, еще слабого, но настойчиво набирающего силу. Если оказаться на берегу залива, когда дует такой ветер, можно услышать звук, похожий на...

— Я знаю, — тихо сказала Стефани. — Похожий на крик совы.

Они закивали в ответ. Незачем ей было знать о том, что зимой этот звук становится похожим на плач вдовы.

– Наконец Джордж (думаю, он просто хотел что-нибудь сказать) спросил доктора, какого примерно возраста, по его мнению, был этот человек.

«Я бы дал ему лет сорок, плюс минус пять, – ответил тот. – Согласен, Винсент?».

Я кивнул. Приблизительно так. Наверное, нелепо умереть в сорок лет, подумал я, когда в жизни наступает некий безликий переходный период.

Затем Док заметил что-то интересное. Он опустился на колени, что для человека его комплекции было нелегко (к тому времени он набрал уже 280 фунтов и, похоже, не собирался на этом останавливаться. Но, должен заметить, что и роста он был под шесть футов), и поднял правую руку мертвеца, ту, что лежала на песке. Пальцы на ней были слегка сжаты, словно перед смертью он пытался сложить ладонь в трубочку, чтобы посмотреть в нее. Когда Док поднял руку, мы увидели, что на кожу внутренней стороны пальцев налипли песчинки, и ладонь тоже была испачкана.

«Что там? – спросил Джордж. – По мне, так это просто песок».

«Да, песок, но почему он прилип? – сказал доктор Робинсон. – Эта корзина, как и другие, вкопана далеко от полосы прилива, неужели не видно? И дождя этой ночью не было. Песок сухой, как в пустыне. И еще, посмотри».

Он поднял левую руку трупа, и мы увидели обручальное кольцо, но песка не было ни на пальцах, ни на ладони. Док вернул левую руку в прежнее положение и снова занялся правой. Он немного расправил ладонь, чтобы на нее попал свет.

«Вот, – сказал он, – видите?»

«Что это? – спросил я. – Жир? Небольшое пятно жира?»

Док улыбнулся и сказал:

«Кажется, ты выиграл плюшевого мишку, Винсент. Видишь, как скрючена рука?»

«Ага. Как будто он смотрел в подзорную трубу», – сказал Джордж. Теперь мы уже втроем стояли на коленях, словно мусорная корзина это алтарь, и мы пытаемся молитвами оживить умершего.

«Нет, не думаю, что он играл с подзорной трубой», – сказал Док. Я заметил, Стеффи, что он взволнован, как бывает, когда человек сталкивается с тем, что таким, как он, в повседневной жизни не встречается. Он вгляделся в лицо мертвеца, (то есть, мне показалось, что он смотрел на лицо, но на самом деле, он смотрел немного ниже), а затем его взгляд перешел обратно на правую руку.

«Я уверен, что это не так», — сказал он.

«Тогда что он делал? — сказал Джордж. — Я хочу сообщить об этом в полицию штата и в канцелярию министра юстиции, Крис. А чего я точно не хочу, так это провести все утро на коленях возле трупа, пока ты играешь в Эллери Куина*».

* Эллери Куин — псевдоним американских писателей-детективщиков Фредерика Даннея и Манфреда Ли. Эллери Куин также один из основных персонажей их произведений.

«Видите, большой палец почти касается указательного и среднего?» — спросил Док. Конечно, мы видели.

«Если бы парень умер, пытаюсь посмотреть в импровизированную трубу, то большой палец накрыл бы остальные и касался бы среднего и безымянного. Попробуйте сделать это сами, если мне не верите».

Я попробовал, и будь я проклят, но он не ошибался.

«Это не труба, — сказал Док, снова трогая пальцем твердую мертвую руку. — Это похоже на пинцет. Плюс жир, да песок на ладони и внутренней стороне пальцев. Что получается?».

Я знал, но поскольку Джордж был главным, я дал ему слово.

«Если он что-то ел, перед тем, как умереть, — сказал тот, — то где же это, черт возьми?».

Док указал на шею мертвеца — даже Нэнси Арнолт заметила, что она была распухшей — и сказал:

«Сдается мне, что там, где оно и застряло. Передай-ка мне сумку, Винсент».

Я передал. Он попытался в ней пошарить, но обнаружил, что, стоя на коленях, может работать только одной рукой: он был огромен и должен был опираться другой рукой о землю, чтобы не кувырнуться. Поэтому он отдал сумку мне и сказал: «У меня там два отоскопа, Винсент. Так называются фонарики для осмотра. Один старый, я его постоянно использую, а другой запасной, он выглядит совсем новым».

«Минутку, минутку. Я не уверен, — запротестовал Джордж. — Мы вроде собирались передать это дело на материк, Каткарту. Это его работа, и ему за нее платят».

«Беру ответственность на себя, — сказал доктор Робинсон. — Любопытство стубило кошку, но она была так довольна, что воскресла. Вы вытащили меня из дома в сырость и холод, оставив без утреннего чая и тоста, и я хочу получить хоть немного удовольствия, если получится. Может,

все это зря. Но такое чувство... Винсент, бери этот. Джордж, ты возьми новый, и, пожалуйста, не надо ронять его в песок, такой инструмент стоит две сотни долларов. И еще, я не стоял на четвереньках, как ребенок, изображающий лошадку, с тех пор как мне было семь лет; если мне придется стоять так слишком долго, то я рухну прямо на этого парня, так что, ребята, слушайте меня и быстро выполняйте команды. Вы когда-нибудь видели, как работники музея направляют на маленькую картину два луча, чтобы она выглядела яркой и привлекательной?».

Джордж не видел, поэтому доктору Робинсону пришлось объяснять. Когда он закончил (и был уверен в том, что Джордж Воурнос все понял), редактор местной газеты опустился на колени по одну сторону от сидящего трупа, а местный начальник полиции по другую, и у каждого в руке был похожий на трубочку фонарик Дока. Только вместо произведения искусства нам предстояло освещать глотку мертвеца, чтобы доктор мог заглянуть поглубже.

Он встал на четвереньки, громко пыхтя и отдуваясь, — это было бы смешно при менее необычных обстоятельствах, и если бы я не боялся, что у него прямо там случится сердечный приступ — затем протянул руку, засунул ее парню в рот и отвел нижнюю челюсть, словно она держалась на шарнирах. В шарнирах, если призадуматься, ничего страшного нет.

«Теперь, — сказал Док, — подойдите поближе, парни. Не думаю, что он кусается, но если я ошибаюсь, то сам же за это и поплачусь».

Мы придвинулись ближе и осветили глотку трупа. Внутри все было красным и черным, только язык был розовым. Я слышал, как тяжело дышит Док, и как он сказал, скорее сам себе, чем нам: «Еще немного», — и выдвинул нижнюю челюсть еще дальше. Затем обратился к нам:

«Поднимите их и светите прямо в глотку».

Мы выполнили указания, насколько это было возможно. Направление света изменилось, и вместо розового языка стала видна эта висячая штучка в горле, эта, как ее...

— Увула, — хором подсказали Стефани и Дэйв.

Винс кивнул.

— Ага, она. И прямо за ней я увидел что-то. То есть верхнюю часть чего-то темно-серого. Двух-трех секунд хватило, чтобы удовлетворить любопытство доктора Робинсона. Он вытащил пальцы изо рта трупа, нижняя губа которого с легким шлепком легла на десну, а челюсть осталась отвисшей.

Док снова стоял на четвереньках, и дышал в два раза чаще, чем когда опускался на колени.

«Вам, парни, придется помочь мне встать, — сказал он, когда немного отдышался. — Я ног не чувствую ниже колен. Черт, ну и дурак же я, что так растолстел».

«Я помогу тебе, как только ты мне скажешь, — поставил условие Джордж. — Ты что-нибудь увидел? Потому что я не видел ничего. А ты, Винсент?»

«А я, кажется, видел, — сказал я. На самом деле я, мать его, отлично все видел — пардон, Стеффи, — но не подал вида».

«Ну и пусть, оно там, все в порядке, — сказал Док. Он все еще задыхался, но был доволен, как человек, почесавший зудящее место. — Каткарт достанет, и мы сможем определить, стейк ли это, или ветчина, или еще что-нибудь, но мне кажется, это уже неважно. Самое важное мы уже узнали — он пришел сюда с куском мяса в руке и сел, чтобы съесть его, любуясь лунным светом на воде. Прислонился спиной к этой мусорной корзине и подавился, прямо как негритенок из детской считалочки. Последний ли это был кусок того, чем он перекусывал? Возможно, но не обязательно».

«Когда он был уже мертв, чайка могла схватить и утащить прямо из его руки то, что осталось, — сказал Джордж. — И оставить только этот жир».

«Верно, — сказал Док. — А теперь вы поможете мне подняться, или мне придется ползти к машине Джорджа, чтобы подтянуться на дверной ручке?».

— 8 —

— Ну, что скажешь, Стеффи? — спросил Винс, глотнув холодящей горло колы. — Ответ найден? Дело закрыто?

— Черта с два, — ответила та, едва заметив одобрительные улыбки стариков. Ее глаза сверкали. — Может, причина смерти и ясна, но... Кстати, что там было? Что было у него в горле? Или я опять опережаю события истории?

— Солнышко, невозможно опередить события истории, которой нет, — сказал Винс, в его глазах играл озорной огонек. — Ты можешь спросить о том, что произошло или могло произойти до или после. Я отвечу. Дэйв, думаю, тоже.

И как бы в доказательство его слов главный редактор «Еженедельного островитянина» сказал:

— Это был кусок говядины, возможно стейк, приготовленный, скорее всего, из лучшей части туши, вырезки

или филе. Возможно, это был бифштекс, несильно прожаренный. Механическая асфиксия вследствие аспирации инородного тела — такая причина смерти была записана в протоколе, хотя человек, которого мы всегда называли «дитя Колорадо», получил еще и тяжелую форму церебрального эмболизма — инсульт, другими словами. Каткарт решил, что удушье явилось причиной удара, но, кто знает, может и наоборот. Так что, как видишь, даже причина смерти ускользает, когда пытаешься в ней как следует разобраться.

— Есть все же в этом деле одна история, небольшая, и я тебе ее сейчас расскажу, — сказал Винс. — Она об одном парне, чем-то похожем на тебя, Стефани, хотя мне хочется думать, что, в отличие от него, ты попала в хорошие руки, когда пришло время навести последний лоск на твое образование, и люди тебе попались более чуткие, чем ему. Этот парень, думаю, был не старше двадцати трех лет и тоже приезжий (скорее с юга, чем, как ты, со Среднего Запада), и он тоже проходил дипломную практику, только по криминалистике.

— Он работал с доктором Каткартом и что-то выяснил?
Винс усмехнулся.

— Довольно логично, дорогая, но ты ошиблась насчет того, с кем он работал. Звали его... Как его звали, Дэйв?

Дэйв Боуи, у которого память на имена была крепче, чем рука Энни Оукли*, целящейся из ружья, без промедления ответил:

— Девэйн. Пол Девэйн.

* Энни Оукли (1860-1926) — легендарная женщина-стрелок.

— Точно. Теперь и я вспомнил. Этот молодой человек, Девэйн, был прикреплен для прохождения практики к двум детективам из министерства юстиции. Только в его случае больше подошло бы слово «приговорен». Они очень плохо с ним обходились, — лицо Винса потемнело. — Когда унижают молодых, желающих учиться, думаю, таких наставников надо гнать взащей. Хотя обычно вместо увольнения они получают повышение по службе. Меня никогда не удивляло, что Бог создал мир немного под наклоном и заставил его вращаться вокруг этой оси; очень многое в нашей жизни происходит по тому же принципу.

Тот молодой человек, Девэйн, провел четыре года в заведении вроде Джорджтаунского университета. Он хотел изучать науку, которая помогает ловить всяких проходимцев,

но не успев вытянуть счастливый билет, был отправлен работать с двумя детективами-пончикоедами, которые обращались с ним не на много лучше, чем с мальчиком на побегушках, заставляя возить документы из Августы в Уотервилль и обратно и отгонять зевак от мест автомобильных аварий. Ах да, иногда ему позволялось в качестве поощрения измерить отпечаток ботинка или сфотографировать следы шин. Это случалось редко. Я бы даже сказал, очень редко. В любом случае, Стеффи, эти два детектива – надеюсь, божьей волей, они уже не у дел – оказались в Тиннокской деревне именно тогда, когда на пляже Хэммок был обнаружен труп дитя Колорадо. Они расследовали пожар в многоэтажке, «причины которого были подозрительны», как они выразились, давая интервью, и с ними был их питомец, уже прощающийся со своими идеалами.

Если бы ему попалась пара следователей поприличней, из тех, кто работает вне конторы министерства юстиции (я же нашел свою стезю, несмотря на чертову бюрократию в правоохранительных органах, создающую столько проблем) или с факультета криминалистики его направили бы в какой-нибудь другой штат, принимающий студентов для обучения, Девэйн закончил бы не хуже тех ребят, которых показывают в шоу «Расследование на месте преступления».

– Мне нравится это шоу, – сказал Дейв. – Намного реалистичнее, чем «Она написала убийство». Кто созрел для кекса? Он ждет нас в буфете.

Выяснилось, что готовы перекусить все трое, и рассказ прервался. Дейв принес то, что обещал, да еще рулон бумажных полотенец. И когда у каждого в руках оказалось по рассыпчатому кексу от Лэбри и полотенцу, чтобы не просыпать крошки, Винс передал слово Дейву.

– Потому что иначе я продержу нас здесь дотемна, – объяснил он.

– А мне кажется, у тебя здорово получалось, – сказал Дейв.

Винс хлопнул себя костлявой рукой по еще более костлявой груди.

– Стеффи, вызывай скорую. У меня сердце остановилось.

– Когда это действительно произойдет, тебе будет не до шуток, старик, – сказал Дейв.

– Вы только посмотрите, как от него летят крошки, – сказал Винс. – У тебя с одного края сыпется, а с другого течет, как говорила моя мама. Давай, Дейв, продолжай рассказ, только сделай одолжение, сначала проглоти.

Дейв послушался и, проглотив кусок кекса, сделал большой глоток колы, чтобы промыть горло. Стефани подумала о том, что хорошо бы в возрасте Дейва Боуи ее пищеварительная система справлялась с такими нагрузками.

— Ну, — начал он, — Джордж не стал оцеплять пляж, потому что, знаешь, это только привлекло бы людей, как мух на коровью лепешку, но двум тупицам из министерства юстиции это было невдомек. Когда я спросил одного из них, зачем они так суетятся, он посмотрел на меня, как на урожденного придурка, несущего бред. «Это ведь место преступления, не так ли? — сказал он. «Может да, а может, и нет, — ответил я, — но ведь тело убрали. Какие еще не унесенные ветром улики вы рассчитываете найти?» К тому времени восточный ветер сильно окреп. Но они настояли на своем, и, признаю, это позволило нам поместить на передовицу неплохую фотографию, да, Винс?

— Да. Если в газете есть фото с полосатой лентой, то тираж быстро раскупается, — сказал Винс. Половина его кекса уже исчезла, но ни одной крошки на бумажном полотенце Стефани не заметила.

Дейв продолжал:

— Девэйн присутствовал, когда Каткарт осматривал тело: руку с прилипшим к ней песком, руку без песка, затем рот, но к тому времени, как к тиннокскому похоронному бюро подъехал катафалк, прибывший на девятичасовом пароме, до вышеупомянутых детективов дошло, что их подопечный, находясь там, занимается чем-то опасно близким к своему образованию. Этого они допустить не могли, поэтому послали его за кофе, пончиками и слойками для себя, для Каткарта, для ассистента Каткарта и для двоих служащих похоронного бюро, которые только что пришли.

Девэйн понятия не имел, куда идти, а поскольку я тоже находился на огороженной желтой лентой территории, то я и отвел его в булочную Дженни. На это ушло полчаса, может, чуть больше, и почти все время заняла дорога. Я отлично понял, как обстоят дела у этого парня, хотя и не принуждал его к откровенности. Ему нечего было рассказать о своей практике, кроме того, что учится он не так много, как хотел бы, а в основном выполняет поручения вроде этого, во время которого Каткарт проводит осмотр тела на том месте, где оно было обнаружено. Мне ситуация была ясна.

Когда мы вернулись, осмотр был уже закончен, тело упаковано в мешок, застегнутый на молнию. Несмотря на это, один из детективов, здоровенный мясистый парень по имени О'Шенни обругал Девэйна: «Где тебя носило? Еще немного, и

задницы у нас совсем отмерзнут», — и так далее, и тому подобное, ля-ля-ля.

Девэйн все это стойко выдержал, не жалуясь и не пытаясь оправдаться (должен признать, кто-то его очень хорошо воспитал), но я вмешался и объяснил, что мы шли так быстро, как только могли, и добавил: «Вы ведь не хотели бы, чтобы мы превысили скорость, офицеры?» — надеясь хоть немного их развеселить и, ну знаешь, разрядить обстановку. Но шутка не прошла. Другой детектив — его звали Моррисон — сказал: «Тебя кто спрашивал, Ирвинг? Тебе разве не надо освещать события распродаж на дому и тому подобное?» Ну, хоть это рассмешило его напарника. А молодой человек, приехавший изучать криминалистику, а вместо этого выучивший, что О'Шенни любит кофе с молоком, а Моррисон предпочитает черный, покраснел до корней волос.

Стеффи, никому еще не удавалось дожить до возраста, в котором я был тогда, и ни разу не получить под зад от придурков, наделенных толикой власти, но мне было жаль Девэйна, который переживал не столько за себя, сколько за меня. Он пытался найти слова, чтобы извиниться, но прежде, чем он что-нибудь успел сказать (и прежде, чем я смог успокоить его тем, что в этом нет необходимости, потому что ничего плохого он не сделал), О'Шенни взял поднос с кофе и передал его Моррисону, затем забрал у меня два пакета с выпечкой. После этого он велел Девэйну пролезть под лентой и взять сумку, в которой лежали личные вещи умершего, теперь считающиеся уликами.

«Заполни бланк свидетельства о хранении, — наставлял он Девэйна, словно пятилетнего, — и проследи, чтобы никто не притрагивался к сумке, пока я ее у тебя не заберу. И свой нос в нее тоже не суй. Все понятно?» «Да, сэр», — ответил Девэйн и улыбнулся мне. Я наблюдал, как он взял у ассистента Каткарта сумку с уликами, похожую на чехол аккордеона (иногда такие можно увидеть в полицейских участках). Я видел, как он вытряхнул бланк свидетельства из прозрачного конверта, и... Ты знаешь, для чего этот документ, Стеффи?

— Кажется, знаю, — ответила она. — Это на тот случай, если ведется дело, и в нем фигурируют некие улики. Штат может продемонстрировать надежность системы их хранения с того момента, как вещь была найдена на месте преступления, до того, как она появится в одном из залов суда под названием «вещественное доказательство №1».

— Хорошо объяснила. Может, в писатели пойдешь?

— Очень смешно, — ответила Стефани.

— Да, мэм, наш Винсент настоящий Оскар Уайлд, — сказал Дейв, — По крайней мере, тогда, когда перестает на время быть Оскаром Брюзгой. В общем, я видел, как молодой человек, Девэйн, написал свое имя на бланке и положил документ обратно в конверт, прикрепив его на сумку с уликами. Затем я видел, как он обернулся посмотреть на здоровяков, грузивших тело в катафалк. Винс в то время был уже здесь, в редакции, начинал писать статью, я тоже собрался уходить. Вокруг дурацкой полосатой ленты, к которой людей тянуло, словно мух на варенье, уже собралась кучка зевак, на чьи вопросы я отвечал, что они смогут обо всем прочитав завтра всего за 25 центов; столько в те дни стоил «Островитянин».

Так или иначе, но в последний раз видел Пола Девэйна, когда он стоял и смотрел на широкоплечих ребят, грузящих труп в катафалк. Но мне известно, что молодой человек послушался приказа О'Шенни не заглядывать в сумку, потому что Девэйн позвонил в редакцию «Островитянина» 16 месяцев спустя. К тому времени он оставил мечты, связанные с криминалистикой, и вернулся в колледж, чтобы учиться на юриста. Плохо или хорошо то, что благодаря детективам О'Шенни и Моррисону из министерства юстиции, он поменял специальность, но именно Пол Девэйн превратил Джона Доу* с пляжа Хэммок в дитя Колорадо и помог полиции со временем установить его личность.

* Джон Доу — жертва преступления, человек, чья личность не установлена или скрывается намеренно; неидентифицированный труп мужского пола.

— А мы получили сенсацию, — сказал Винс, — в основном благодаря Дейву Боуи, который купил парню пончики и проявил сочувствие, а последнее не оценить никакими деньгами.

— Ты преувеличиваешь, — отозвался Дейв, повернувшись на стуле. — Я пробыл с ним не больше получаса. Может, минут 45, если учитывать время, которое мы простояли в очереди за выпечкой.

— Иногда этого достаточно, — заметила Стефани.

А Дейв ответил:

— Пусть так, иногда этого достаточно, что в этом особенного? Сколько, вы думаете, человеку нужно времени, чтобы подавиться насмерть куском мяса?

Ответа ни у кого не нашлось. В заливе гудели яхты богачей, и этот звук, полный глупой самоуверенности, долетал до пристани Тиннока.

— Оставим ненадолго Пола Девэйна. Через несколько минут ты узнаешь от Дейва остальное. А пока, думаю, я должен рассказать о вскрытии.

— Пусть так, — сказал Дейв. — Это не история, Стеффи, но все равно лучше рассказывать все по порядку.

— Не надо думать, что Каткарт сразу же сделал вскрытие. Это не так. Во время пожара в многоэтажке погибло два человека, что и привело О'Шенни и Моррисона в нашу глушь. Сначала Каткарту пришлось заняться погибшими на пожаре, но не потому, что они умерли раньше, а потому что считались жертвами убийства, в то время как Джон Доу погиб в результате несчастного случая. Когда Каткарт до него добрался, детективы уже уехали в Августу, и скатертью дорога.

Я присутствовал на вскрытии, когда оно, наконец, было произведено, потому что в те дни я был единственным доступным фотографом, и нужно было сделать «сонные снимки». Это европейский термин, которым называют приемлемые для газеты фотографии умерших. Мне нужно было так сфотографировать труп, чтобы он выглядел, как задремавший человек.

Стефани была потрясена и удивленно спросила:

— Ну и как, получилось?

— Нет, — ответил Винс. — Только ребенок мог бы сказать такое о моих снимках. Или тот, кто взглянул бы на них мельком, закрыв один глаз. Я должен был сделать фотографии до вскрытия, потому что Каткарт решил, что возможно из-за закупорки горла трупа, ему придется далеко оттянуть нижнюю челюсть.

— И вы решили, что он вряд ли будет похож на спящего с ремнем под подбородком, благодаря которому рот остается закрытым? — спросила Стефани, улыбаясь вопреки мыслям о том, что смеяться над такими вещами ужасно; какое-то чудовище вызывало в ее мозгу одну за другой карикатурные картинки на тему смерти и похорон.

— Да, именно так, — согласился Винс, улыбаясь. И Дейв улыбался. Значит, если она ненормальная, то, по крайней мере, не одна она такая. Слава богу. — Думаю, это было бы похоже на труп, страдающий от зубной боли.

Все трое засмеялись. И Стефани поняла, что любит этих старых чертей.

— Можно и поерничать над старухой с косой, — сказал Винс, схватив с перил стакан с колой. Глотнул и поставил его на место. — Особенно в моем возрасте. Я чувствую эту шельму за каждой дверью, а когда выключаю свет, слышу ее дыхание рядом на подушке, где раньше спали мои жены, храни господь их обеих.

— Да, надо смеяться над смертью.

— В общем, Стеффи, я сделал фотографии головы — «сонные снимки» — и они получились именно такими, как мы их только что описали. На самой удачной парень выглядел так, словно напился в стельку и уснул, или был в коме. Ее-то мы и напечатали в газете, неделю спустя. Она также появилась в «Бангор Дейли Ньюс», а еще в газетах Элсуорта и Портланда. Ничего хорошего, конечно, из этого не вышло, снимки только пугали тех, кто узнал этого парня. Но в итоге оказалось, что от этого была кое-какая польза.

Между тем, поскольку Каткарт вернулся к своим делам, а два балбеса из Августы уехали туда, откуда прибыли, то никто не запрещал мне отираться поблизости; Каткарт разрешил мне присутствовать при вскрытии с тем условием, что никто об этом не узнает. Я дал честное слово, что никому не скажу, и, конечно, сдержал свое обещание.

Работая сверху вниз, он первым делом обнаружил мясную затычку, которую в горле мертвеца первым увидел доктор Робинсон. «Это причина смерти, Винс», — сказал он, и церебральный эмболизм (о котором он узнал намного позже, чем я вернулся на пароме на Лосиный остров) не повлиял на его решение. Он утверждал, что если бы рядом с парнем был кто-нибудь, способный применить прием Хеймлича*, или если бы пострадавший смог сделать это сам, то не оказался на металлическом столе с вывороченными наружу внутренностями.

* Прием Хеймлича — резкое нажатие на желудок, в результате которого застрявший предмет выталкивается из горла пострадавшего.

И вот перед нами содержимое желудка №1, под которым я подразумеваю то, что находилось в его верхней части, ночной ланч, которого едва коснулось пищеварение, прежде чем человек умер и в нем все остановилось. Только мясо. Он успел откусить шесть или семь раз, хорошо пережевывая пищу. Каткарт оценил вес в четыре унции.

Затем появилось содержимое желудка №2. Я говорю об ужине того человека. Эта масса была довольно сильно — ну, мне не хотелось бы вдаваться в подробности; скажем так, что

пищеварительный процесс прошел много стадий, поэтому без подробного анализа Каткарт мог сказать только то, что парень ел рыбу, возможно с салатом, и картофельный гарнир приблизительно за шесть или семь часов до смерти.

«Я не Шерлок Холмс, — сказал я тогда, — но я могу вам помочь».

«Неужели?» — недоверчиво спросил он.

«Ага, — ответил я. — Думаю, он ужинал у Керли или «На пристани у Яна» на этом берегу, либо у Янко на Лосином острове».

«Почему именно там? В радиусе двадцати миль, должно быть, полсотни ресторанов, где подают рыбные блюда, даже в апреле, — удивился он. — Почему не в «Серой чайке», например?»

«Потому что в «Серой чайке» не опустятся до того, чтобы подавать рыбу с картошкой, — ответил я, — а ведь именно этим парень поужинал».

— Вот так, Стеффи. Я продержался почти до конца вскрытия, но вдруг мне стало нехорошо. «Во всех трех заведениях подают рыбу и картошку, сказал я. — А запах уксуса я почувствовал, как только ты вскрыл ему желудок». После этих слов мне пришлось бежать в маленькую уборную, где меня стошнило.

Но я оказался прав. Сделав копии «сонных снимков», я тем же вечером обошел все заведения, где каждый день подавали рыбу с картошкой.

У Янко этого парня никто не узнал, но официантка «На пристани у Яна» сразу его вспомнила. Она сказала, что подала ему порцию рыбы с картофелем и колу, или диетическую колу, она не помнила, какую именно, и это произошло вечером, в последний день его жизни. Он взял заказ, сел за один из столиков и съел все, глядя на воду. Я спросил, говорил ли тот посетитель что-нибудь, и она ответила, что, кажется, нет, только «пожалуйста» и «спасибо». Я спросил, не видела ли она, куда он пошел, когда поел — ужинал он около половины шестого — и она ответила «нет».

Он взглянул на Стефани.

— Думаю, скорее всего, он направился на городскую пристань, чтобы попасть на шестичасовой паром до Лосинового острова. Время, по крайней мере, для этого подходящее.

— Пусть так. Я лично всегда был в этом уверен, — сказал Дейв.

Стефани выпрямилась, словно ее осенило.

— Был апрель. Середина апреля на побережье залива Мэн, но его нашли без пальто. А было ли оно на нем, когда его обслуживали у Яна?

Оба старика улыбнулись, как будто она только что решила какое-нибудь сложное уравнение. Но она знала, что даже работа в «Островитянине», которую престижной не назовешь, заключалась не столько в решении задач, сколько в выяснении того, какие из них должны быть решены.

— Хороший вопрос, — сказал Винс.

— Замечательный вопрос, — согласился Дейв.

— Я приберегу это на потом, — сказал Винс. — Но поскольку истории, как таковой, нет, то не стоит и ждать более подходящего момента. Но если тебе нужен ответ, то ничем помочь не могу. Официантка у Яна не помнила этого, а, кроме нее, парня на фото никто не признал. Я считаю, что нам и так повезло. Окажись он у прилавка в середине июля, когда посетителей миллион, и каждый заказывает рыбный обед, котлеты из лобстера и пломбир с начинкой, она запомнила бы его, только если бы он стянул с себя штаны и показал ей голый зад.

— Да и тогда вряд ли, — произнесла Стефани.

— Точно. Но получилось так, что она его запомнила, правда не могла сказать, было ли на нем пальто. Я не стал настаивать, понимая, что тогда она вспомнила бы что-нибудь, чтобы угодить мне или отвязаться от меня. Она сказала: «Припоминаю, что на нем вроде была светло-зеленая куртка, мистер Тигги, но возможно я ошибаюсь». Может, она и ошибалась, но мне кажется, что нет. На нем действительно была такая куртка.

— Тогда куда же она делась? — спросила Стефани. — Может, ее кто-нибудь потом нашел?

— Нет, — ответил Дейв. — Возможно, никакой куртки и не было, но то, что он в промозглую апрельскую ночь пошел на пляж без верхней одежды, не укладывается у меня в голове.

Стефани снова повернулась к Винсу; у нее была тысяча важных вопросов к нему, но ни один не был до конца сформулирован.

— Чему ты улыбаешься, дорогая? — спросил Винс.

— Не знаю, — она помолчала. — Нет, знаю. У меня чертова куча вопросов, но я не знаю, с какого начать.

Ее признание было встречено одобрительными возгласами. Дейв даже вытащил из кармана платок и промокнул им глаза.

— Ну и дела! — воскликнул он. — Да, мэм. Вот, что я тебе советую, Стеффи: представь, что ты в отделе дешевок на

осенней женской распродаже. Закрой глаза и выбери любую наугад.

— Хорошо, — сказала она, хотя сделала не совсем так, как он посоветовал. — Как насчет отпечатков пальцев и стоматологической карты? Я думала, что при установлении личности их всегда проверяют, и это надежно.

— В основном так и происходит, — ответил Винс. — Но не забывай, что это был 1980 год, Стеффи, — он улыбался, но взгляд был серьезным. — Все это произошло до компьютерной революции и задолго до появления Интернета, чудесного изобретения, к которому молодые, такие, как ты, относятся как к чему-то, само собой разумеющемуся. В 1980 году можно было сравнить отпечатки пальцев и формулу зубов того, кого в полиции называют НС — неопознанный субъект — с отпечатками и зубами только тех, кем предположительно этот НС является. Проверять данные всей полицейской картотеки пришлось бы годы. А что говорить обо всех, кто объявлен в розыск на территории Штатов? Это нереально, дорогая, даже если вести поиск только среди мужчин в возрасте от тридцати до сорока лет.

— Но я думала, что вооруженные силы располагали компьютерными данными уже тогда...

— Не думаю, — произнес Винс. — А если и так, то вряд ли отпечатки пальцев дитя Колорадо когда-либо попадали к ним.

— В любом случае, не зубная формула и не отпечатки помогли нам в конце концов установить личность этого человека, — сказал Дейв. Он сидел, сплетя пальцы в замок на своей внушительной груди, и казалось, похорошел при слабом, но еще теплом свете угасающего дня.

— В деле появилась вырезка из газеты.

— Откуда же она взялась?

— А вот теперь вернемся к Полу Девэйну, — сказал Винс. — Мне нравится о нем говорить, потому что это единственная история во всем нашем рассказе. А истории — моя стихия. Это мой хлеб, как говорили в старые добрые времена. Девэйн — живое воплощение мира Горацио Алгера*, маленькое, но воодушевляющее. Борись и добивайся. Работай и побеждай.

* Горацио Алгер (1834-1899) — писатель, почти все герои которого пробивали себе путь из нищеты к достатку.

— Кровь с молоком, — высказался Дейв.

— Можно и так, — спокойно сказал Винс. — Пусть будет так, если тебе нравится. Девэйн уехал с теми двумя глупыми

полицейскими, О'Шенни и Моррисоном, как только были готовы предварительные результаты вскрытия жертв пожара в многоэтажке; на жертву несчастного случая на Лосином острове детективам было наплевать. А Каткарт тем временем принялся за вскрытие в присутствии вашего покорного слуги. В заключении о смерти записано: «удушение вследствие закупорки дыхательных путей», ну или что-то в этом роде. В газетах появились мои «сонные снимки», которые в викторианское время назывались бы «лика́ми смерти», что вполне им соответствует. Но никто не позвонил ни в министерство юстиции, ни в полицию штата, чтобы заявить, что это чей-то пропавший отец, дядя или брат.

Труп шесть дней хранился в холодильнике тиннокского похоронного дома – этот срок не установлен никаким сводом правил, но, знаешь, в таком деле многое становится традицией. И никто не пытается объяснять то, что известно каждому. Уже подходил к концу тот этап, на котором никем невостребованному покойнику дали имя Джон Доу, и Эйб Карви забальзамировал его. Затем тело поместили в склеп Приморского кладбища, которое принадлежало похоронному дому.

– Рассказ становится жутковатым, – сказала Стефани. Ей казалось, что она видит покойника, накрытого простыней и лежащего почему-то на столе в морге, а не в склепе (наверное, гроб ему предоставили один из самых дешевых). Никому ненужная посылка в почтовом отделении смерти.

– Да, есть немного. Ну и пусть, – равнодушно сказал Винс. – Продолжать?

– Я убью вас, если вы этого не сделаете, – сказала она.

Он кивнул и был явно доволен, хотя и не улыбался. Непонятно, как, но она это почувствовала.

– Прошло лето и половина осени. Наступил ноябрь, а тело все еще было неопознанным и невостребованным, и тогда было решено его похоронить, – из-за акцента янки, с которым говорил Винс, слово похоронить вышло похожим на «устрашить»* – прежде, чем земля снова станет твердой, и копать будет очень трудно, понимаешь?

* В английском слова bury (хоронить) и furry (устрашать, ужасать) созвучны.

– Да, – тихо сказала Стефани, и она действительно понимала это. На этот раз телепатия проявилась незаметно

для нее, потому что Дейв, не получив никаких указаний от напарника, продолжил рассказ.

— Проходя практику с О'Шенни и Моррисоном, Девэйн испил чашу до дна, — сказал он. — Возможно, он даже подарил им по галстуку или четвертаку, что-нибудь в этом роде, по прошествии трех месяцев. Кажется, я говорил тебе, Стеффи, что сначала он и не думал уходить, но в итоге бросил криминалистику, в каком бы колледже не учился — кажется, он назвал Джорджтаунский, но не стоит доверять моей памяти — и начал учиться заново, выбирая предметы, относящиеся к юриспруденции. И все же, кое-какие события предшествовали перелому в жизни Пола Девэйна и произошли они как раз перед тем, как закончилась его роль в нашей истории, которая, по словам Винса, вовсе не история. Во-первых, он заглянул в сумку с уликами и осмотрел личные вещи Джона Доу. Во-вторых, у него завязались серьезные отношения с девушкой, и она пригласила его познакомиться со своими родителями. Так обычно поступают все девушки, когда отношения заходят далеко; у ее отца была как минимум одна вредная привычка, которая в те времена была гораздо более распространенной, чем сейчас: он курил.

Какие-то мысли зашевелились в голове Стефани (ее собеседники ожидали этого, уже оценив способности девушки). Она вспомнила о пачке сигарет, выпавшей на песок пляжа Хэммок, когда труп упал. Джонни Грейвлин (теперешний мэр Лосинового острова) подобрал ее и положил обратно в карман мертвеца. Затем ее поразила догадка. Она дернулась, как ужаленная. Нога задела стакан, и тот перевернулся. Кола разлилась по дощатому полу, потемневшему от дождей и ветра, просочилась между досок и закапала вниз, на камни и водоросли. Старики этого не заметили. Они знали, что такое восторг озарения и, довольные тем, что заметили его признаки, с любопытством смотрели на свою подопечную.

— Акцизная марка! — почти закричала она. — На каждой пачке должна быть акцизная марка штата!

Ей зааплодировали, негромко, но искренне.

— 10 —

Дейв сказал:

— Пора рассказать тебе, Стеффи, что увидел мистер Девэйн, заглянув в запретную сумку с уликами. Скорее всего, он сделал это назло детективам и не рассчитывал обнаружить что-нибудь интересное среди тех немногочисленных предметов.

Начнем с обручального кольца Джона Доу, обычное, золотое, без гравировок, даже без даты.

— Они сняли с ... — она осеклась, потому что мужчины так на нее посмотрели, что стало ясно: она чуть не сморозила глупость. Если бы человека опознали, и его родственники того захотели, кольцо было бы предано земле вместе с хозяином. Но до той поры оно являлось уликой, и обращались с ним соответственно.

— Да, — сказала она. — Конечно, сняли. Какая я глупая. Другой вопрос: должна же быть где-то миссис Доу или Миссис Колорадо, ведь так?

— Да, — довольно скорбно произнес Винс. — И, в конце концов, мы нашли ее.

— И маленьких Доу? — спросила Стефани, подумав о том, что у мужчины такого возраста их, должно быть, целый выводок.

— Пожалуйста, давай не будем на этом сейчас останавливаться, если ты не против, — ответил Дейв.

— Ой, — смутилась Стефани. — Извините.

— Извиняться не за что, — успокоил он ее, сдержанно улыбаясь. — Просто не хочу портить рассказ. Продолжать будет легче без этих... как их, Винс?

— Без домыслов, — сказал тот. Он тоже улыбался, но взгляд был немного отчужденным. «Не разговоры ли о маленьких Доу заставили его уйти в себя?» — подумала Стефани.

— Ага, никаких домыслов, — сказал Дейв. Он призадумался, а затем, чтобы доказать, как далек он от того, чтобы испортить рассказ, быстро пересчитал по пальцам предметы:

— В сумке было обручальное кольцо покойного, семнадцать долларов купюрами — десять, пять и две по одному — плюс еще около доллара мелочью. Девэйн сказал, что была еще одна неамериканская монета. Надписи на ней, по его словам, были на русском языке.

— На русском? — изумилась Стефани.

— Так называемая кириллица, — шепнул Винс.

Дейв продолжал:

— Также была коробочка мятных леденцов и пачка жвачки «Биг Ред», в которой не хватало одной пластинки. Был коробок спичек с рекламой коллекционных марок на лицевой стороне — уверен, ты видела такие, их раздают в любом магазине, где это разрешено — и Девэйн сказал, что на черкаше была одна отметина от удара спичкой, яркая и свежая. И, наконец, едва початая пачка сигарет, в которой

не хватало всего одной или двух штук. Девэйну показалось, что не хватало только одной, и единственная отметина на коробке подтверждала это.

— Но бумажника не было, — сказала Стефани.

— Нет, мэм.

— И никаких документов.

— Никаких.

— Кто-нибудь уже высказывал предположение, что некто, проходя мимо, украл у мистера Доу и последний кусок мяса, и бумажник? — спросила она и хихикнула, не успев прикрыть рот рукой.

— Стеффи, мы предполагали и это, и многое другое, включая версию, что он был перенесен на пляж береговыми огнями.

— Около шестнадцати месяцев спустя после того, как Джонни Грэйвлин и Нэнси Арнолт обнаружили Джона Доу, — продолжал рассказывать Дейв, — Пол Девэйн был приглашен на уик-энд к родителям его девушки; дело было в Пенсильвании. И уж о чем он тогда точно не вспоминал, так это о Лосином острове, пляже Хэммок и Джоне Доу. Он рассказал, что собирался пойти тем вечером со своей девушкой в кино или что-то в этом роде. Мать с отцом были на кухне и заканчивали готовить ужин — оставалось только посолить, как говорят в таких случаях — и хотя Пол предложил свою помощь, его выпроводили в гостиную под предлогом того, что он не знает, что и как делать. Поэтому он сидел там один, бесцельно глядя в телевизор. Случайно его взгляд остановился на мягком кресле главы семейства, а рядом, на приставном столике, лежала газета главы семейства, пепельница главы семейства и пачка сигарет главы семейства.

Дейв помолчал, улыбнулся ей и пожал плечами.

— Иногда случаются настолько удивительные совпадения, что начинаешь задумываться, часто ли дело обходится без них. Если бы пачка сигарет лежала по-другому, и вместо ее нижней части Пол увидел верхнюю, то Джон Доу так и остался бы Джоном Доу, а не превратился бы в дитя Колорадо, а после — в мистера Джеймса Коэна из Нидерлэнда, городка к западу от Боулдера. Но Девэйну попала на глаза именно нижняя часть пачки, и он разглядел акцизную марку. Она была похожа на почтовую, это и заставило его вспомнить пачку сигарет среди улик, которые он когда-то видел.

Видишь ли, Стеффи, один из наставников Пола Девэйна — не помню, О'Шенни или Моррисон — курил, и поэтому, Пол, выполняя свою поденную работу, не раз покупал ему сигареты «Кэмэл»; на них тоже была акцизная марка, и он заметил, что

она отличалась от той, что была на пачке из сумки с уликами. Ему показалось, что марка штата Мэн, которая была на сигаретах детектива, была похожа на чернильную печать, ну вроде тех, что в небольших городках ставят на руку при входе на дискотеку, или... ну не знаю...

— На ферму Джернерда для прогулки и пикника? — спросила Стефани.

— Точно! — сказал он, направив на нее толстый палец, словно дуло пистолета. — В любом случае, это было не то открытие, от которого хочется прыгать и кричать: «Эврика!», но на протяжении всего уик-энда его мысли снова и снова возвращались к этому. Воспоминания о пачке сигарет среди улики не давали ему покоя. Начнем с того, что Пол Девэйн был уверен, что на ней должна была быть марка штата Мэн, не важно, откуда человек приехал.

— Почему?

— Потому что не хватало всего одной сигареты. Что это за курильщик, который курит раз в шесть часов?

— Начинающий?

— Если человек, у которого в кармане целая пачка, закуривает один раз за шесть часов, то это не начинающий курильщик. Это вообще не курильщик, — мягко сказал Винс. — Еще Девэйн видел его язык. Я тоже — я стоял на коленях возле мертвеца, освещая отоскопом доктора Робинсона его рот. Язык был розовый, как фруктовый леденец. У курильщиков таких не бывает.

— Ах, да. И коробок, — задумчиво сказала Стефани. — Одна отметина?

Винс Тигги улыбнулся ей и кивнул.

— Одна отметина, — сказал он.

— Никакой зажигалки?

— Никакой зажигалки, — мужчины сказали это хором и засмеялись.

— 11 —

— Девэйн дождался понедельника, — сказал Дейв, — и поскольку история с сигаретами никак не шла у него из головы — хотя прошло уже полтора года с той поры, как он побывал на Лосином острове — он позвонил мне и сказал, что предполагает, только предполагает, что сигареты, найденные у Джона Доу, куплены не в штате Мэн. И если это так, то на нижней части пачки должна быть акцизная марка того штата, откуда этот человек приехал. Он высказал предположение, что

Джон Доу вообще не курил, но, несмотря на это, марка могла быть подсказкой. Я с этим согласился и спросил, почему он позвонил именно мне. Он ответил, что не знает, кому еще может быть интересно это давнишнее дело. Он оказался прав: мне все еще было интересно, и Винсу тоже. Парень также не ошибся и насчет марки.

— Сам-то я не курю, и никогда не курил. Возможно поэтому в свои 65 я в такой отличной форме...

Винс что-то буркнул и отмахнулся от него. А Дейв невозмутимо продолжал:

— Поэтому я прогулялся до магазина «Бэйсайд Ньюс» и попросил показать мне пачку сигарет. Мою просьбу выполнили, и я действительно увидел наклейку, похожую на чернильную печать, а не на почтовую марку. Затем я позвонил в министерство юстиции и поговорил с одним парнем по имени Мюррей из отдела получения, систематизации и хранения вещественных доказательств. Я был крайне вежлив, Стефани, потому что те два болвана детектива могли все еще работать там.

— А они, возможно, просмотрели очень важную улику? — спросила Стефани. — Ту, которая облегчила бы установление личности Джона Доу, сузив поиски до одного штата. Подсказка была у них под носом.

— Ага, — сказал Винс. — Свалить вину на практиканта они не могут, потому что запретили ему заглядывать именно в эту сумку. А к тому времени, как выяснилось, что он их ослушался...

— Он был уже вне их досягаемости, — закончила она фразу.

— Ты и сама все понимаешь, — сказал Дейв. — Но в любом случае, им бы несильно досталось. Помнишь, они ведь расследовали в Тинноке настоящее непреднамеренное убийство; двое людей сторели заживо, а Джон Доу просто случайно подавился.

— И все же... — нерешительно начала Стефани.

— И все же они болваны. Не нужно быть излишне вежливой, когда находишься в кругу друзей, — с ухмылкой сказал Дейв. — Но у «Островитянина» не было цели подкинуть проблем тем детективам. Я ясно дал понять это Мюррею и объяснил, что хочу просто выяснить, откуда тот бедняга, потому что где-то должны быть люди, которые потеряли его и хотели бы узнать, что с ним случилось. Мюррей сказал, что свяжется со мной через некоторое время. Я этого ожидал, но день все равно прошел в сомнениях, правильно ли я разыграл карты. Ведь я мог бы повести себя иначе, знаешь. Например,

можно было попросить доктора Робинсона позвонить в Августу или даже подключить Каткарта, но это значило бы загребать жар чужими руками. Может, я и старомоден, но считаю, что в девяти случаях из десяти честность – лучшая политика. Я опасался только того, что этот случай, возможно, был десятым.

– Но в итоге все обошлось. Мюррей перезвонил мне, когда я уже перестал ждать и натягивал куртку, чтобы пойти домой и провести там остаток дня. Всегда так.

– Если смотреть на чайник, то он никогда не закипит, – сказал Винс.

– Боже мой, какая мысль! Дайте блокнот и карандаш, я запишу, – сказал Дейв, улыбаясь шире обычного. Улыбка не просто молодила его лицо, она стирала прожитые годы, и Стефани увидела перед собой мальчика, каким Дейв был когда-то давно. Затем он снова стал серьезным, и мальчик исчез.

– В больших городах вещественные доказательства, понятное дело, все время теряют, но Августа еще не настолько большой город, хоть это и столица штата. Сержанту Мюррею не составило труда найти сумку с бланком, подписанным Полом Девэйном; он сказал, что на это ушло десять минут. А все остальное время он провел, пытаясь получить у нужного человека разрешение на то, чтобы я осмотрел содержимое сумки. Наконец, оно было получено. Акцизная марка на той самой пачке «Уинстон» была именно такой, как сказал Девэйн: наклейкой, на которой маленькими темными буквами было написано «Колорадо». Мюррей сказал, что передаст информацию в министерство юстиции, и там оценят, если статья об этом будет опубликована после того, как их поставят в известность обо всем, что удалось выяснить о личности дитя Колорадо. Так он его назвал. Полагаю, можно сказать, что сержант Мюррей из отдела приема, систематизации и хранения вещественных доказательств министерства юстиции придумал эту фразу. Еще он просил упомянуть в статье помощь ведомства, если нам удастся узнать что-нибудь о погибшем. Знаешь, это было так трогательно.

Стефани, поглощенная рассказом, подалась вперед.

– И что потом? Что вы делали дальше?

Дейв открыл было рот, чтобы ответить, но Винс положил руку на его большое сильное плечо прежде, чем тот заговорил.

– А как ты думаешь, что мы делали дальше?

– Здесь школа? – спросила она.

– Да, – ответил он.

По его глазам и изгибу губ (больше по второму) она поняла, что он говорит совершенно серьезно, и тщательно обдумала свой ответ.

— Вы... сделали копии «сонных снимков».

— Пусть так. Сделал.

— И затем... м-м-м... вы разослали их вместе с копиями вырезки из газеты в редакции Колорадо. Скольким из них?

Винс улыбнулся, кивнул и поднял большой палец вверх.

— Семидесяти восьми, мисс Маккен. Не знаю, как Дейв, а я был поражен, насколько дешево это обошлось тогда, в 1981. Нет, серьезно, не дороже ста баксов, вместе с отправкой по почте.

— Мы все записали в рабочие расходы.

— До единого цента. И имели на это полное право.

— А какие из редакций пустили это в печать?

— Все, черт их побери! — сказал Винс, ожесточенно хлопнув себя по узкому бедру. — Да! Даже «Денвер Пост» и «Роки Маунтен Ньюс»! Потому что в этом была загадка и интересный мотив.

Стефани кивнула. Интересный и простой. Она понимала это.

Винс, сияя, кивнул ей.

— Незвестный мужчина возможно, из Колорадо, найден мертвым за две тысячи миль, на пляже одного из островов штата Мэн! Никакого упоминания ни о куске мяса, застрявшем у него в глотке, ни о пальто, пропавшем, бог знает, куда (или о возможном отсутствии этого пальто вообще), ни о русской монете в кармане! Просто дитя Колорадо, основная загадка, и поэтому, естественно, статья о нем появилась в каждой из этих газет, включая две, которые обычно печатали только рекламные объявления.

— Примерно в конце октября 1981 года об этом написали в газете Боулдера, а два дня спустя мне позвонила женщина по имени Арла Коэн, — сказал Дейв. — Она жила в Нидерлэнде, который находится в горах недалеко от Боулдера. Ее муж пропал в апреле прошедшего года, оставив ее с шестимесячным сыном на руках. Она сказала, что его имя Джеймс, и что, она понятия не имеет, что он делал на острове вдали от побережья штата Мэн, но человек на фото очень похож на ее мужа. Действительно, очень похож, — он помолчал, — Думаю, она знала, что это было не просто мимолетное ощущение, потому что она много о себе рассказала, а потом заплакала.

Стефани попросила Дейва Боуи произнести имя миссис Коэн по буквам, потому что из-за его сильного новоанглийского акцента она слышала только долгое «а», прерванное посередине звуком «л».

Дейв выполнил ее просьбу, а затем продолжил:

— Никаких особых примет Арла назвать не могла, чесслово, бедная брошенная женщина, но имя их лечащего зубного врача она сказала и...

— Стоп, стоп, стоп, — сказала Стефани, поднимая руки, как поставшей. — Этот парень, Коэн, чем он на жизнь зарабатывал?

— Писал картины на заказ для денверского рекламного агентства, — сказал Винс. — Я видел его работы и должен признать, они очень даже неплохие. Великим художником он бы не стал, но если вам срочно нужна картинка для рекламного плаката, на которой женщина обнимает рулон туалетной бумаги с таким видом, словно поймала волшебную золотую рыбку, то обращайтесь к Коэну. Он ездил в Денвер дважды в неделю, по вторникам и средам, на деловые встречи и совещания. Все остальное время он работал дома.

Стефани перевела взгляд на Дейва.

— Зубной врач поговорил с Каткартом, так?

— Летишь вперед на всех парусах, Стефф. У Каткарта не было рентгеновского снимка зубов дитя Колорадо, не то оборудование для этого в Тиннокском похоронном бюро, а отправлять труп в окружной морг, где эти снимки могли бы сделать, повода не нашлось; однако, он помнил положение пломб и две коронки на зубах того парня. Все сошлось. Он пошел дальше и отправил копии отпечатков пальцев мертвеца в полицию Нидерлэнда. У них работал специалист из денверского отделения, которого отправили на квартиру к Коэнам искать отпечатки пальцев Джеймса. Миссис Коэн — Арла — сказала специалисту по отпечаткам, что тот ничего не найдет, потому что она вымыла рабочее место мужа от стены до стены, когда убедилась в том, что Джим больше не вернется, что он либо бросил ее (в это она едва ли верила), либо с ним случилось что-то ужасное (что уже становилось для нее единственным объяснением).

Полицейский ответил, что если Коэн проводил большую часть времени в комнате, которая служила ему кабинетом, то отпечатки все равно остались, — Дейв замолчал, вздохнул и провел рукой по остаткам своих волос. — Они действительно там были, и мы знаем, кем на самом деле был Джон Доу, дитя Колорадо: Джеймсом Коэном из Нидерлэнда, штат Колорадо,

мужчиной сорока двух лет, женатым на Арле Коэн, отцом Майкла Коэна, которому было шесть месяцев, когда его отец исчез и около двух лет, когда того наконец нашли.

Винс встал и потер кулаками поясницу.

— Пойдем внутрь? Здесь становится прохладно, а у нас еще есть, что рассказать.

— 13 —

Они вернулись в комнату и расположились в нише за старым офсетным станком, который уже давно не использовался (с 2002 года газету печатали в Элсуорте). Пока Дейв устраивался поудобней, Стефани включила кофеварку. Если история, которая на самом деле вовсе не была историей, затянется еще на час-другой (а ей казалось, что так и будет), то выпить по чашечке им не помешает.

Когда они снова уселись рядом, Дейв повел носом в сторону их маленькой кухни и одобрительно кивнул.

— Мне нравятся женщины, которые сами зарабатывают себе на жизнь и, тем не менее, не считают кухню каторгой.

— То же самое мне нравится в мужчинах, — ответила Стефани. Дейв засмеялся и кивнул (еще одна удачная шутка, вторая за день, это уже почти рекорд), а она мотнула головой в сторону огромного старого станка:

— Вот, что для меня каторга.

— Выглядит он, конечно, хуже, чем когда-либо, но тот, что стоял здесь до него, был просто ужасен. При неосторожном обращении он мог оттяпать руку, а при осторожном сильно ее прищемить. Так на чем мы остановились?

— На том, как женщина узнала, что она вдова, — сказала Стефани. — Полагаю, она приехала за телом мужа.

— Ага, — сказал Дейв.

— Кто-нибудь из вас встретил ее в аэропорту Бангора и привез сюда?

— А ты как думаешь, дорогая?

Это был не тот вопрос, над которым Стефани пришлось бы долго думать. К концу октября — началу ноября 1981 года дело дитя Колорадо было уже слишком старым для того, чтобы местные власти снова занялись им, да к тому же это был просто несчастный случай. Неопознанный труп, только и всего.

— Конечно, так и было. Вы единственные друзья для нее в этом штате, — она вдруг осознала, что Арла Коэн реальный

человек, а не шахматная фигура из детектива Агаты Кристи и не персонаж сериала «Она написала убийство».

— Я встретил ее, — мягко сказал Винс. Он сидел, положив на колени руки, и сцепленные кисти были похожи на древовидный нарост. — Она была не такой, какой я ожидал ее увидеть. У меня в голове сложился неверный образ. Мне стоило бы подумать получше. Как-никак, работаю в газете уже 65 лет — ровно столько, сколько живет на свете мой напарник, который уже давно не беспечный вздорный парень, которым он себя считает — и за это время видел порядочное количество трупов. Вид большинства из них мгновенно выбивает из головы романтическую чушь вроде: «Увидел я деву, прекрасную и безмолвную». Вообще, трупы — зрелище не из приятных, это точно, многие из них едва похожи на людей. Но с дитя Колорадо все было по-другому. Он выглядел, как персонаж романтического стихотворения мистера По. Я сфотографировал его перед вскрытием, ты ведь помнишь, и если смотреть на снимок дольше секунды, то парень выглядит мертвее мертвого, но в то же время какое-то подобие красоты в нем сохранилось, эти пепельные щеки, бледные губы и веки с еле уловимым оттенком сиреневого.

— Бр-р-р, — вырвалось у Стефани, хотя она понимала, о какой красоте говорил Винс, и в памяти действительно всплывали строчки из стихотворения По об усопшей Леноре.

— Ну и пусть. По мне, так это стихи о настоящей любви, — сказал Дейв и встал, чтобы налить кофе.

— 14 —

Винс Тигги вылил себе в чашку полпакета молока, как показалось Стефани, и продолжал рассказ с печальной улыбкой на лице.

— Я хочу сказать, что ожидал увидеть хрупкую темноволосую красавицу. Но Арла оказалась полной и рыжеволосой, с многочисленными веснушками. Я ни на минуту не усомнился в ее горе, но она была из тех людей, которые во время стресса начинают больше есть, а не голодать. Ее близкие приехали из Омахи или Де Моуна, или еще откуда-то, чтобы присмотреть за ребенком; я никогда не забуду, какой потерянной и одинокой она выглядела, когда спускалась по трапу, у нее с собой была маленькая дорожная сумка, которую она несла не на плече, а прижимая обеими руками к объемной груди. Она ни капли не походила на образ в моей голове, на Ленору.

Стефани подпрыгнула и подумала о том, что теперь телепатия коснулась и ее.

— Но я сразу узнал ее. Я помахал ей рукой, она подошла и спросила: «Мистер Тигги?» А когда я ответил «да», она поставила сумку на землю, обняла меня и сказала: «Спасибо, что встретили меня. Спасибо за все. Не могу поверить, что это он, но когда я посмотрела на фото, то сразу его узнала».

Путь сюда неблизкий — кому, как не тебе, знать об этом, Стеффи — и у нас было время поговорить. Первым делом она спросила, не знаю ли я, что Джим делал на побережье штата Мэн. Я ответил, что не знаю. Затем она спросила, регистрировался ли он в местном мотеле в среду вечером, — он прервался и взглянул на Дейва. — Я не ошибся? В среду вечером?

Дейв кивнул:

— Она должна была спросить именно про вечер среды, потому что Джонни и Нэнси нашли тело в четверг утром. 24 апреля 1980 года.

— Вы все это помните, — прошептала Стефани.

Дейв пожал плечами:

— Такие вещи сами застревают у меня в голове, а потом я забываю о том, что нужно купить домой хлеба, и за ним приходится идти в дождь.

Стефани снова повернулась к Винсу:

— Конечно же, он не был зарегистрирован в мотеле, иначе вы бы не называли его так долго Джоном Доу. Вы бы узнали его и по вымышленному имени, но такового тоже не нашли.

Он одобрительно закивал еще до того, как она закончила мысль.

— После того, как было обнаружено тело, мы с Дейвом потратили три или четыре недели на обход мотелей; мистер Йетс* назвал бы это «спиралью, раскручиваемой от центра», а центром был Лосиный остров (конечно, на это уходило только время, свободное от работы). Задача почти невыполнимая, займись мы этим в летний сезон, когда открыты сотни мотелей, трактиров, коттеджей, ночлежек и сдаются множество разных комнат, хозяева которых отбивают друг у друга клиентов большую часть дня, пока ходит паром. Но в апреле это можно сравнить с работой на полставки, потому что 70 процентов этих заведений закрываются, начиная с Дня Благодарения и до Дня Памяти Всех Погибших. Мы показывали фотографию всем подряд, Стеффи.

* Йетс – ирландский поэт, получивший литературную нобелевскую премию.

– Приятного мало.

– Ничего приятного в этом вообще не было, – подтвердил Дейв.

Она повернулась к Винсу.

– А что она сказала, узнав об этом?

– Ничего. Она была в замешательстве, – он помолчал. – Немного поплакала.

– Ну конечно, бедняжка, – сказал Дейв.

– И что вы сделали? – спросила Стефани, снова полностью сосредоточив внимание на Винсе.

– Свою работу, – не раздумывая, ответил тот.

– Ведь именно вы все всегда знаете, – сказала она.

Его густые спутанные брови поползли вверх:

– Ты так думаешь?

– Да, – ответила она и взглядом попросила поддержки у Дейва.

– Кажется, на этот раз она тебя к ногтю прижала, напарник, – заметил Дейв.

– Вопрос в том, хочешь ли ты такую работу, – криво усмехнувшись, сказал Винс. – Думаю, хочешь.

– Конечно, – беззаботно отозвалась она. Решение было принято несколько недель назад. А ведь если бы ей задали такой вопрос до того, как она начала работать в «Островитянине», она бы рассмеялась над тем, что можно выбрать себе дело, которое будет зависеть от смутных сведений, поступающих в основном по почте. Та Стефани Маккен, полная решимости ехать в Нью-Джерси, а не на Лосиный остров, казалась ей теперь незнакомкой с далекого материка.

– Что она вам рассказала из того, что знала сама?

– То, что делает эту и без того странную историю еще более странной, – сказал Винс.

– Расскажите.

– Хорошо, но предупреждаю сразу – от всех возможных мотивов не останется и следа.

Стефани не медлила с ответом:

– Расскажите все равно.

В среду 23 апреля 1980 года Джим Коэн уехал на работу в агентство «Горные красоты», которое находилось в Денвере, сказал Винс. – Я узнал это от его жены. У него с собой был портфолио из рисунков, над которыми он работал по заказу «Сансет Шевроле», одной из крупных местных автомобильных компаний, уже ставшей постоянным клиентом агентства «Горные красоты». Коэн был одним из четверых художников, работавших по контракту на «Сансет Шевроле»; Арла уверяла, что компания была довольна работой Джима, и это чувство было взаимно – Джиму нравилась работа по контракту. Она сказала, что его визитной карточкой были картины типа «чертыхающаяся женщина». Когда я спросил, что это значит, она улыбнулась и объяснила, что это плакаты, на которых красивая женщина с широко распахнутыми глазами и раскрытым ртом, прижимает ладони к щекам и, кажется, вот-вот воскликнет: «Черт возьми! Ну и покупку я сделала в «Сансет Шевроле».

Стефани засмеялась. Ей попадались такие рисунки в рекламных проспектах, раздаваемых бесплатно в дешевых магазинах Тиннока на том берегу залива.

Винс кивнул:

– Арла сама художник, только пишет не кистью, а словом. Она нарисовала в моем воображении образ порядочного человека, который любил жену и с удовольствием выполнял свою работу.

– Любовь иногда слепа, – заметила Стефани.

– Такая молодая, а уже циник, – воскликнул Дейв не без одобрения в голосе.

– Пусть так, но суть ей ясна, – сказал Винс. – Только, видишь ли, шестнадцати месяцев обычно достаточно, чтобы прозреть. Если бы что-то было не так, например, надоела работа, или завязался роман на стороне, какие-нибудь признаки она бы обнаружила или почувствовала интуитивно, если только мужчина не вел себя крайне – и сверхосторожно, ведь за эти месяцы она опросила всех их знакомых, многих дважды, и все подтвердили, что он любил свою работу, обожал жену и был совершенно без ума от их малыша. Она снова и снова говорила об этом: «Он никогда бы не бросил Майкла. Я уверена в этом. Сердце мне подсказывает». Я ей поверил, – сказал Винс и пожал плечами, словно говоря: «Судите, как хотите».

– И ему не приелась его работа? – спросила Стефани. – Не было ни малейшего желания переехать?

– Она уверяла, что не было. Сказала, что он так любил их домик в горах, что повесил над дверью вывеску с надписью «Убежище Хэйнандо»*. Она даже разговаривала с художником,

работавшим по тому же контракту, что и Джим, с человеком, который годы работал с ее мужем. Помнишь, как его звали, Дейв?

* «Убежище Хэйнандо» — песня из известного мюзикла о трактире, куда любой может придти и найти приют, где можно ничего не бояться и быть самим собой.

— Джордж Ранклин или Франклин, — сказал Дейв, — Не помню, как именно, память подводит.

— Не расстраивайся, старик, — сказал Винс. — На закате карьеры даже Уилли Мэйс может иногда промазать, я так считаю.

Дейв показал ему язык. Винс кивнул, словно ожидал от главного редактора подобного ребячества, а затем повел линию повествования дальше:

— Художник Джордж, будь он Ранклин или Франклин, сказал Арле, что Джим достиг предела своих творческих способностей, и что он принадлежал к числу тех счастливиц, которые не только знают реальную цену своему таланту, но и согласны с ней. Джордж также сказал, что единственной мечтой его коллеги был пост начальника художественного отдела «Горных красот». А имея такие амбиции, вряд ли имеет смысл в одночасье все бросать и бежать на побережье Новой Англии.

— Но она думала, что именно так он и поступил, не так ли? — спросила Стефани.

Винс поставил чашку с кофе и, словно одержимый, взъерошил руками пух своих белых волос.

— Арла Коэн, как и все мы, заложник очевидного, — сказал он. — Джеймс Коэн ушел из дома в среду утром, без четверти семь, и поехал в Денвер по Боулдерскому шоссе. Из багажа у него был только портфолио, о котором я уже упоминал. На Коэне был серый костюм, белая рубашка, красный галстук и серое пальто. Ах да, на ногах черные мокасины.

— Никакой зеленой куртки? — спросила Стефани.

— Никакой зеленой куртки, подтвердил Дейв, — но серые брюки, белая рубашка и черные мокасины на нем точно были, когда Джонни и Нэнси нашли его мертвым у мусорной корзины.

— А его пиджак?

— Так и не найден, — сказал Дейв. — Галстук тоже, хотя, конечно, если мужчина снимает галстук, то в девяти случаях из десяти он засовывает его в карман пиджака, и я готов поклясться, что если бы тот пиджак отыскался, то галстук оказался бы в кармане.

– В 8:45 он был у мольберта, – сказал Винс, – работая над рекламным объявлением в газету для «Супер Короля».

– Что?

– Сеть супермаркетов, дорогая, – пояснил Дейв.

– Где-то в 10:15, – продолжал Винс, – художник Джордж, будь он Ранклин или Франклин, увидел, что Джим направляется к лифту. Коэн сказал, что пойдет за «настоящим кофе», который продавался в «Старбакс» за углом, и за сэндвичем с яйцом и салатом, чтобы пообедать в офисе. Он спросил у Джорджа, принести ли ему что-нибудь.

– Это все, что вам рассказала Арла, пока вы ехали в Тиннок?

– Да, мэм. Пока я вез ее к Каткарту, чтобы провести формальное опознание по фотографии, которое должно было звучать так: «Это мой муж, это Джеймс Коэн», – и затем получить разрешение на эксгумацию тела. Нас там ждали.

– Хорошо, извините, что перебила. Продолжайте.

– Не надо извиняться за то, что задаешь вопросы, Стефани, ведь это именно то, чем занимаются репортеры. В любом случае, художник Джордж...

– Будь он Ранклин или Франклин, – вставил Дейв.

– Ну да, он самый, от кофе отказался, но прошелся с Джеймсом до лифта, и они немного поговорили о приближающейся вечеринке по поводу ухода на пенсию человека по имени Хаверти, одного из основателей агентства. Мероприятие было запланировано на середину мая, и художник Джордж рассказал Арле, с каким нетерпением ее муж ждал этого. Они обменялись идеями насчет подарка, пока ждали лифт, а когда тот приехал, Коэн сказал художнику Джорджу, что надо бы обсудить это как-нибудь за ланчем и спросить у кого-нибудь совета, например, у одной из женщин, работающих с ними. Художник Джордж поддержал эту идею, Коэн зашел в лифт, помахал ему рукой, двери закрылись, и с тех пор Джордж – последний, кто видел дитя Колорадо еще в Колорадо.

– Художник Джордж, – почти шепотом сказала она. – Как думаете, случилось бы все это, если бы он сказал: «Подожди-ка минутку, я только надену пальто и схожу с тобой за кофе»?

– Не могу сказать, – ответил Винс.

– А пальто на нем было? – спросила Стефани. – Я о Коэне. На нем было серое пальто, когда он уходил?

– Арла спрашивала об этом, но художник Джордж не помнил, – сказал Винс. – Все, что он мог сказать, было: «Думаю, нет». Возможно, он был прав. «Старбакс» и магазин, где продают сэндвичи, находились за углом и стояли рядом.

— Еще она сказала, что там была секретарша, — вмешался Дейв. — но та не видела, как мужчины подошли к лифту. Она объяснила это тем, что «наверное, на минутку отлучилась», — он отрицательно замотал головой. — В триллерах так не бывает. Но Стефани уже думала о другом; ей вдруг стало ясно, что она подбирала крошки, в то время как перед ней стоял целый пирог. Она подняла указательный палец левой руки и задержала его около левой щеки.

— Художник Джордж махнул на прощанье Коэну — дитя Колорадо — около четверти одиннадцатого утра или, скорее, около двадцати минут, учитывая то время, пока они ждали лифт.

— Пусть так, — сказал Винс. Он смотрел на Стефани, и глаза его сияли, как и у Дейва.

Потом Стефани подняла вверх указательный палец правой руки к правой щеке.

— А официантка у Яна, на том берегу, в Тинноке, сказала, что около половины шестого он ужинал рыбой с картошкой за столиком, глядя на воду.

— Пусть так, — снова сказал Дейв.

— Сколько часовых поясов между штатами Мэн и Колорадо? Один?

— Два, — сказал Дейв.

— Два, — она помолчала, а потом снова повторила:

— Два. Значит, когда художник Джордж видел его в последний раз, когда закрывались двери лифта, в штате Мэн уже наступил полдень.

— Предположим, что часы посчитаны правильно, — сказал Дейв, — ведь мы только и можем, что предполагать, не так ли?

— Разве это возможно? — спросила она. — Разве он мог добраться сюда за это время?

— Да, — сказал Винс.

— Нет, — сказал Дейв.

— Может быть, — сказали они вместе, а Стефани сидела, переводя взгляд с одного на другого с забытой чашкой кофе в руке.

— Вот почему эта история не подходит для такой газеты, как «Бостон Глоуб», — сказал Винс после небольшой паузы, во время которой он глотнул разбавленного молоком кофе и собрался с мыслями. — Даже если бы мы решили ее рассказать.

— А мы решили иначе, — запальчиво вмешался Дейв.

— Да, мы решили иначе, — согласился Винс. — Но если бы... Стеффи, когда в большом городе редакция газеты типа «Глоуб» или «Нью-Йорк Таймс» берет за статью или рубрику, они рассчитывают предоставить ответы на поставленные вопросы или, по крайней мере, выдвинуть какие-то предположения на этот счет, а есть ли в нашем деле проблемы с ответами на вопросы? Чертова уйма! Возьми любую известную газету, что ты увидишь на первой странице? Вопросы, замаскированные под новости! Где Усама бин Ладан? Мы не знаем. Зачем президент поехал на Средний восток? Мы не знаем, потому что он сам не знает. Окрепнет ли экономика или рухнет? Мнения экспертов разделились. Яйца полезны или вредны для здоровья? Зависит от того, какие научные труды прочитать. Даже прогноз погоды не скажет точно, будет ли северо-восточный ветер дуть с северо-востока, потому что они на этом уже обожглись. Поэтому когда им нужна статья об улучшении жилищных условий для национальных меньшинств, они пишут в ней, что если делать то-то и то-то, то к 2030 году ситуация изменится.

— А если они возьмутся за статью о неразгаданной тайне, — сказал Дейв, — они захотят написать, что береговые огни были отражением света от облаков, а отравление на церковном пикнике — дело рук обманутой любовником секретарши методистской церкви. Но заниматься расследованием подобного дела...

— Все свободное время, — с улыбкой закончил его фразу Винс.

— Это безумие, что бы ты ни говорил, — сказал Дейв.

— А я хочу быть безумным, — сказал Винс. — Черт возьми, я телефон оборвал, докапываясь до истины, полагаю, у меня есть право обезуметь.

— Мой отец говорил: «Сколько ни режь мел, сыром он не станет», — сказал Дейв, улыбаясь.

— Это верно, — согласился Винс. — Но позвольте мне еще немного помучить себя и вас. Допустим, что двери лифта закрылись в 10:20 по местному времени, так? Допустим также, просто ради интереса, что все было спланировано заранее, и на улице Коэна ждала машина с заведенным двигателем.

— Хорошо, — сказала Стефани, пристально глядя на него.

— Фантазии, ничего больше, — буркнул Дейв, но было заметно, что ему интересно.

— Да, несколько натянуто, но, тем не менее, — продолжал Винс, — в четверть одиннадцатого он был там, а

спустя чуть больше пяти часов оказался «На пристани у Яна». Притянуто за уши, но это факт. Продолжать?

— Давай, МакДафф*, — сказал Дейв.

* Маргарет МакДафф — профессор математики, англичанка.

— Если его ждала заведенная машина, он мог добраться до Стэплтона за полчаса. Далее, коммерческим рейсом он улететь не мог. Конечно, тогда можно было купить билет за наличные и лететь под вымышленным именем, но в тот день не было прямых рейсов из Денвера ни в Бангор, ни в какой-либо другой город штата Мэн.

— Вы проверяли.

— Я проверял. Полетев коммерческим рейсом, он прибыл бы в Бангор самое раннее в 6:45 вечера, а официантка у Яна видела его намного раньше. На самом деле это слишком поздно, потому что весной паром до Лосинового острова в это время уже не ходит.

— Последний в шесть? — спросила Стефани.

— Ага, и так до середины мая, — ответил Дейв.

— Значит, он полетел чартером, — сказала она. — Чартерным реактивным самолетом. В Денвере есть компании, организующие такие полеты? Он мог себе такое позволить?

— По всем показателям, да. Но это стоило бы ему пару тысяч баксов, и банк зафиксировал бы изъятие со счета такой крупной суммы.

— Об этом нет никаких данных?

Винс покачал головой:

— Никаких серьезных денежных трат не было перед исчезновением Козна. Но в то же время без них обойтись не могло. Я наводил справки в некоторых чартерных компаниях, и мне сказали, что в хороший день, такой, когда реактивный поток силен, если маленькому «Лиру-35» или «55» удастся попасть в его середину, то перелет займет всего три часа, может, немного больше.

— Из Денвера в Бангор, — сказала она.

— Из Денвера в Бангор. Да. На этой части побережья нет другого места, где мог бы приземлиться один из этих пожирателей топлива. Нигде нет таких длинных взлетно-посадочных полос, понимаешь?

Она кивнула.

— И вы проверяли чартерные компании Денвера?

— Попытался. Там тоже приятного мало. Из пяти компаний, у которых были реактивные самолеты разных размеров, со мной стали разговаривать только в двух. Они не

обязаны были это делать, не так ли? Я для них просто газетчик из маленького городка, разбирающийся с несчастным случаем, а не полицейский, расследующий преступление. Еще мне там сказали, что проверять нужно не только те БО, которые отправляли чартеры из Стэплтона.

— Что такое БО?

— Базовые операторы авиационной техники, — объяснил Винс. — Чартерная авиация это только часть того, чем они занимаются. У них есть мойки, небольшие терминалы для пассажиров, путешествующих частным образом, чтобы те не испытывали никаких неудобств; также на этих базах продают, обслуживают и чинят самолеты. Там можно пройти таможенный осмотр, купить высотомер взамен сломанного или провести восемь часов в комнате отдыха для пилотов, если вы опережаете свой график. Некоторые БО, например «Воздушная прелюдия», занимаются крупным бизнесом, как «Холидэй Инн»* или «Макдоналдс», а другие просто просиживают штаны, имея в наличии только торговый автомат с закуской да ветроуказатель на взлетной полосе.

* «Холидэй Инн» — всемирная гостиничная сеть.

— Вы провели настоящее исследование, — изумилась Стефани.

— Ну да, и узнал, что из Стэплтона, как и из любого другого аэропорта Колорадо летали и летают не только местные пилоты на самолетах местных авиакомпаний. Например, самолет с БО Нью-Йоркского аэропорта Ла-Гардиа мог прилететь в Денвер с пассажирами, которые собирались провести в Колорадо месяц, навещая родственников. Затем пилоты опросили людей в аэропорту, не хочет ли кто-нибудь вернуться в Нью-Йорк, чтобы им не пришлось лететь без пассажиров.

— Или клиенты для обратного перелета были уже подобраны и данные об этом занесены в компьютер, — сказал Дейв. — Понимаешь, Стефф?

Она поняла.

— Значит, запись о безумной поездке мистера Козна могла быть в базе данных «Воздушного орла» в Нью-Йорке, — предположила она.

— Или у «Воздушного орла» в Монпенье, Вермонт, — сказал Винс.

— Или у «Реактивных голубей» в Вашингтоне, Колумбия, — добавил Дейв.

— А если Коэн заплатил наличными, то, скорее всего, никаких записей вообще не осталось.

— Но есть же организации...

— Да, мэм, — согласился Дейв, — их больше, чем ты можешь себе представить, начать хотя бы с Федерального Авиационного Бюро, и заканчивая Налоговой полицией. Не может быть, чтобы чертово ФАБ не совало нос в дела БО. Но что касается сделок через наличные, то тут бюрократия бессильна. Помнишь Хелен Хафнер?

Она помнила. Официантка из «Серой чайки». Та, чей сын на днях свалился с дерева и сломал руку. «И эта сумма целиком достанется ей, — сказал тогда Винс. — А чего не видит глаз, то не ранит совесть». На что Дейв ответил: «Вот так в Америке ведутся дела».

Наверное, так и есть, но в их случае это очень осложняет дело.

— Так вы не знаете, — подытожила Стефани. — Вы сделали все, что могли, но все равно ничего не узнали.

Винс сначала удивился, а потом повеселел:

— Насчет того, сделал ли я все, что мог, не думаю, что это можно знать наверняка. Я уверен в том, что мы прокляты и обречены всегда думать, что можно было сделать немного лучше, даже когда добиваемся всего, чего хотели. Но ты ошибаешься, ведь я знаю. Он полетел из Стэплтона чартерным рейсом. Вот, как это было.

— Но вы говорили...

Он подался вперед, наклонившись над своими сомкнутыми руками, глядя ей прямо в глаза:

— Слушай внимательно и запоминай, дорогая. О Шерлоке Холмсе я читал очень давно, это точно, но кое-что помню, и фраза великого детектива, обращенная к доктору Уотсону, звучит примерно так: «Если исключить невозможное, то что остается, каким бы невероятным не было, и есть ответ». Мы знаем, что дитя Колорадо в среду утром был в офисе до 10:15 или 10:20. И мы можем быть вполне уверенными, что «На пристани у Яна» он был в 5:30. Подними пальцы, как раньше, Стеффи.

Она выполнила его просьбу, подняв левый указательный палец за парня из Колорадо, а правый за Джеймса Коэна в штате Мэн. Винс разомкнул руки и быстро коснулся ее правого пальца; старость и молодость встретились.

— Но не будем называть этот палец 5:30, — сказал он. — Не стоит доверять официантке, которая хоть и не падала от усталости, как это было бы в июле, но, несомненно, была очень занята, ведь наступило время ужина, сама понимаешь.

Стефани кивнула. Ужинали здесь рано. Обедом, который произносился «обедуть», называлось то, что люди носили с собой и ели в полдень, как правило, в лодке, за ловлей лобстеров.

— Пусть этот палец означает шесть часов, — предложил он, — время отправления последнего парома.

Она снова кивнула.

— Он ведь должен был приплыть на нем, верно?

— Да, если только он не пересек залив вплавь, — заметил Дейв.

— Или не нанял лодку, — добавила она.

— Мы узнавали, — сказал Дейв. — И что еще важнее, мы разговаривали с Гардом Эдвиком, который был паромщиком весной восьмидесятого.

«Принес ли Коэн ему чай? — неожиданно для самой себя подумала Стефани. — Ведь если хочешь плыть на пароме, нужно угостить чаем штурмана. Вы сами говорили, Дейв. Или штурман и паромщик это не одно и то же?»

— Стефф? — озабоченно окликнул ее Винс. — Ты в порядке, дорогая?

— Все отлично, а что?

— Ты выглядела, не знаю... как-то странно.

— Наверное. Странная история, да? — сказала она. — Если я и повела себя необычно, то, должно быть, из-за нее. Только ведь это вовсе не история, в этом вы правы. Я словно пытаюсь проехать на велосипеде по канату, которого нет.

Стефани немного помедлила, а затем все же решила выставить себя на посмешище:

— Мистер Эдвик запомнил Коэна, потому что тот ему что-то принес? Потому что он угостил штурмана чаем?

С минуту мужчины молчали, загадочно глядя на нее, молодую, по-мальчишески миловидную перед лицом их старости, а она готова была разрыдаться или выкинуть еще что-нибудь в этом духе, только бы избавиться от тревоги и крепнущей уверенности, что она выставила себя полной дурой.

Винс сказал:

— На переправе было холодно. Какой-то мужчина принес в рубку бумажный стаканчик с кофе и отдал его Гарду. Они обменялись парой фраз. Был апрель, если помнишь, и к этому времени уже стемнело. Мужчина сказал: «Холодно на переправе». Гард ответил: «Да». Затем мужчина сказал: «Добираться долго» или «Я добирался долго», Гард говорил, что, возможно, мужчина даже сказал: «Лидли добиралась долго». Такое имя есть, не в Тиннокской телефонной книге, но в некоторых других.

— На Коэне было пальто или зеленая куртка?

— Стефф, — сказал Винс. — Гард не только не помнил, было ли на нем пальто, он даже под присягой не смог бы поклясться, пришел ли тот пешком или приехал верхом. Было темно, это первое; во-вторых, после незначительного доброго поступка и пары фраз прошло полтора года, а в-третьих, старина Гард, знаешь... — и он сделал жест, словно пьет из бутылки.

— О мертвых либо хорошо, либо ничего, но пил он по-черному, — подхватил Дейв. — Работу паромщика он потерял в восемьдесят пятом, и городской совет устроил его работать на снегоочистителе в основном ради того, чтобы его семья не голодала. Понимаешь, у него пятеро детей и жена с рассеянным склерозом. Но в конце концов он разбил снегоочиститель, когда в стельку пьяный работал на Главной улице и гнал во всю, несмотря на долбаный февраль — извините за мой долбаный французский. Потеряв и это место, он жил на пособие по безработице. Поэтому стоит ли удивляться тому, что он так мало помнил? Думаю, нет. Но из всего, что он рассказал, я уверен в одном: да, дитя Колорадо приехал с материка на последнем пароме, и, да, он угостил штурмана чаем или чем-то еще. Хорошо, что ты запомнила это, Стефф, — он похлопал ее по руке. Она улыбнулась в ответ. Улыбка получилась несколько ошеломленной.

Как мы уже говорили, — продолжил Винс, — придется учесть двухчасовую разницу во времени, — он подвинул ее левый указательный палец немного ближе к правому. — На восточном побережье было 12:15, когда Коэн покинул офис. Он отказывается от своей привычной размеренной жизни в тот момент, когда двери лифта открываются, и он оказывается в вестибюле здания. В ту самую секунду. Он вылетает на улицу, безрассудно уверенный в своем выборе, где его ждет высокоскоростная машина с гонщиком-шофером.

Через полчаса он уже на БО Стэплтона, а через пять минут поднимается по трапу частного самолета. Он не полагался на случай. Так у него ничего бы не вышло. Есть люди, которые регулярно летают частным образом и задерживаются где-нибудь на пару недель. Те, кто их возит, проводят это время, обслуживая другие чартерные рейсы. Наш парень должен был договориться именно насчет такого рейса и оплатить наличными перелет к восточной границе.

А что бы он делал, если бы те, с кем он договорился, в последний момент отменили бы полет? — спросила Стефани.

Дейв пожал плечами.

– Полагаю то же, что и в том случае, если бы погода испортилась, – ответил он, – отложил бы все до следующего раза.

Тем временем Винс подвинул левый палец Стефани еще ближе к правому.

– Все ближе и ближе к восточному побережью, – сказал он. – По крайней мере, нашему приятелю, Коэну, не пришлось тратить время на волокиту, связанную с безопасностью и страхованием, тогда, в 1980 да еще при перелете чартерным рейсом ее можно было избежать. Так же приходится предполагать – снова – что ему не пришлось ждать, пока освободится взлетная полоса, потому что это выбило бы его из графика, а ведь в конечном пункте, – он коснулся ее правого пальца, – ждет паром. Последний.

На перелет ушло три часа. Остановимся на этом. Мой напарник проверил по Интернету, от которого он просто без ума, и сказал, что в тот день погода была летная, и карты показывали, что реактивный поток проходил как нужно.

– Но насколько он был силен, мне выяснить так и не удалось, – вставил Дейв. Он взглянул на Винса. – Принимая во внимание то, что в деле вообще много невыясненного, это не так уж страшно.

– Допустим, три часа, – повторил Винс и подвинул левый палец Стефани (тот, что был воображаемым дитя Колорадо) так близко к правому (который обозначал уже почти умершего Джеймса Коэна), что между ними осталось два дюйма или чуть больше.

– Об этом свидетельствуют факты, – прошептала она, потрясенная и немного испуганная этой мыслью. Однажды, еще в школьные годы, она прочитала научно-фантастический роман «Луна – суровая повелительница»*. Она не знала, как там обстоят дела на Луне, но роман был определенно отражением реальных событий того времени.

* «Луна – суровая повелительница» – фантастический роман Роберта Хейлина о том, как в колониях на Луне поднялось восстание против господства Земли.

– Да, мэм, именно так, – подтвердил Винс. – В четыре часа или, может, между четырьмя и пятью самолет приземлился, и Коэн высадился на Твин Сити Сивил Эйр, единственной БО, которая тогда была в Бангоре.

– Остались записи о прибытии? Вы проверяли? – спросила она, зная, что он проверял, и догадываясь, что, так или иначе, ничего хорошего из этого не вышло. Такая уж это была

история. Возникло ощущение, словно хочешь чихнуть, и не получается.

Винс улыбнулся:

— Конечно, проверял. Но в те дни, когда служба безопасности не осложняла жизнь в Твин Сити, в наличии были только приходно-расходные ведомости. В тот день им много раз платили наличными, остались также чеки после нескольких довольно крупных вечерних заправок, но это ни о чем не говорит. Известно только, что кто бы ни привез Коэна, он, должно быть, провел ночь в отеле Бангора и полетел обратно следующим утром.

— Или остался на уик-энд, — сказал Дейв. — А еще пилот мог улететь сразу же, без дозаправки.

— Как же он мог это сделать, прилетев из Денвера? — спросила Стефани.

— Мог заскочить в Портленд, — предположил Дейв, — и заправиться там.

— Зачем?

Дейв улыбнулся, от чего его лицо стало удивительно хитрым, что было так непохоже на его обычное выражение серьезности и глуповатой честности. Стефани вдруг поняла, что за этой неуклюжей, по-детски наивной внешностью скрывается такой же живой и быстрый ум, как у Винса Тигги.

— Коэн, боясь оставить бумажный след, должно быть, заплатил пилоту, чтобы он так поступил, — сказал Дейв. — А пилот из Денвера выполнил бы любую разумную просьбу, если бы ему хорошо заплатили.

— А что касается дитя Колорадо, — продолжил Винс, — у него еще оставалось два часа, чтобы добраться до Тиннока, съесть обед из рыбы и картошки «На пристани у Яна», сидя за столиком и глядя на воду, а затем успеть на последний паром до Лосинового острова, — говоря это, он придвигал указательные пальцы Стефани все ближе и ближе друг к другу, пока те не соприкоснулись.

Стефани ошеломленно смотрела на него.

— Он мог успеть?

— Может быть, но времени у него было в обрез, — со вздохом сказал Дейв. — Я ни за что бы в это не поверил, если бы его не нашли мертвым на пляже Хэммок. А ты, Винс?

— Не-а, — не раздумывая, ответил Винс.

Дейв продолжал:

— Примерно в дюжине миль от Тиннока есть четыре грунтовых взлетно-посадочных полосы, которые открываются только на летний сезон. В основном там устраивают воздушные экскурсии для туристов, чтобы те любовались осенними

пейзажами, когда зелени больше всего, хотя длится это всего пару недель. Мы проверяли и их на тот маловероятный случай, если Коэн нанял второй самолет, на этот раз маленький винтовой, типа «Малыша», и полетел из Бангора на побережье.

— Там тоже приятного мало, понимаю.

— Правильно понимаешь, — сказал Винс. Его улыбка была скорее печальной, чем хитрой. — С того момента, как в денверском офисе за Коэном закрылись двери лифта, в этой истории нет ничего, кроме зыбких теней и мертвого тела.

В апреле три взлетных полосы из четырех пустовали, не использовались, поэтому самолет мог приземлиться на любую из них, и никто ничего бы не узнал. Что касается четвертой полосы, то женщина по имени Мэйзи Харрингтон, которая жила недалеко от нее вместе со своим отцом и шестью дворнягами, заявила, что с октября 1979 и до мая 1980 никто на этой полосе не приземлялся, но от Мэйзи разило, как от перегонного аппарата, и я сомневаюсь, помнила ли она, что случилось за неделю до нашего с ней разговора, не говоря уж о шестнадцати месяцах.

— А ее отец? — спросила Стефани.

— Он слепой, как крот, и у него нет одной ноги, — ответил Дейв. — Диабетик.

— Ой, — сказала она.

— Ага.

— Да черт с этими Харрингтонами, — отрезал Винс. — Я никогда не верил в версию второго самолета, прилетевшего за Коэном, так же, как никогда не верил в теорию второго стрелка, участвовавшего в убийстве Кеннеди. Если машина ждала Коэна в Денвере, то он мог позаботиться и о том, чтобы еще одна ждала его у Главного авиационного терминала. Думаю, именно так он и сделал.

— Как же все это притянута за уши, — сказал Дейв. Он говорил с сарказмом, но в голосе была и печаль.

— Возможно, — невозмутимо ответил Винс, но если исключить невозможное, то что останется... словно щенок скребется в дверь, чтобы его пустили.

— Он мог вести машину сам, — задумчиво произнесла Стефани.

— Взяв ее в прокат? — Дейв затряс головой. — Не думаю, дорогая. В прокате принимают только кредитки, а от кредиток остается бумажный след.

— Кроме того, — продолжил Винс, — Коэн не знал окрестностей. Как мы выяснили, он в жизни не бывал на восточном побережье штата Мэн. Ты теперь дороги знаешь, Стеффи: только одна трасса идет в нашу сторону от Бангора в

Элсуорт. Но из Элсуорта есть четыре пути, и человек с материка даже при наличии карты в них точно не разберется. Нет, думаю, Дейв прав. Если парень собирался ехать на машине и знал, что у него мало времени, он позаботился бы о том, чтобы его ждал шофер, которого устраивала бы оплата наличными, и который быстро отвез бы его на место, не заблудившись.

Стефани ненадолго задумалась. Мужчины не стали ей мешать.

— Три наемных водителя, — сказала она наконец, — один из которых пилот частного самолета.

— Возможно, был и второй пилот, — тихо добавил Дейв. — По крайней мере, согласно правилам, он должен быть.

— Невероятно, — сказала она.

Винс со вздохом кивнул:

— Не спору.

— И ни одного шофера вы не нашли, так?

— Так.

Она еще раз глубоко задумалась, опустив голову и нахмутив брови, плавный изгиб которых приобрел от этого резкие черты. Они снова не стали ей мешать, а через минуту Стефани подняла глаза и спросила:

— Но зачем? Что могло заставить Коэна проделать такой путь?

Винс Тигги и Дейв Боуи переглянулись, а потом снова посмотрели на нее. Винс сказал:

— Ну разве это не хороший вопрос?

— Вопрос по делу, — согласился Дейв.

— Главный вопрос, — уточнил Винс.

— Именно так, — сказал Дейв. — Он с самого начала был главным.

— Мы не знаем, Стеффи, — мягко сказал Винс. — Мы так и не поняли.

— В «Бостон глоуб» нас за это не похвалили бы. Ни за что, — еще мягче сказал Дейв.

— 17 —

— У нас тут, конечно, не «Бостон глоуб» и даже не «Бангор дейли ньюс», но, Стефани, когда взрослого человека ни с того ни с сего совершенно выбивает из колеи, любой журналист, работает ли он в большом городе или в провинции, попытается прежде всего выяснить причины этого. Не важно, каковы последствия: массовое отравление на церковном

пикнике или исчезновение одного из супругов, который впоследствии погибает. Итак – оставим до поры до времени вопрос о том, с какого момента Коэна понесло, и о том, как он совершил невозможное, добравшись сюда за такое короткое время – скажи мне, какие у него могли быть причины так поступить. Называй и считай их, пока я не увижу как минимум четыре пальца.

«Экзамены», – подумала она, а затем вспомнила, как месяц назад Винс вскользь сказал ей: «Если хочешь преуспеть в нашем деле, не бойся иметь извращенный ум, дорогая». Тогда совет показался ей безумным старческим бредом. Теперь, кажется, она начала его понимать.

– Секс, – произнесла она, подняв вверх левый указательный палец, тот, что раньше был дитя Колорадо. – То есть другая женщина, – рядом с указательным появился средний палец. – Финансовые проблемы, либо долг, либо кража, я думаю так.

– Не забудь про налоговую полицию, – напомнил Дейв. – Люди иногда пускаются в бега, осознав, что задолжали Дяде Сэму.

– Она не знает, каково иметь дело с налоговой полицией, когда та превращается в мерзкую назойливую тварь, – сказал Винс. – Ты ей это сейчас не втолкуешь. В любом случае, у Коэна не было проблем с налогами, как утверждала его жена. Продолжай, Стеффи, у тебя хорошо получается.

Она разогнула слишком мало пальцев, чтобы он принял ее ответ, но придумать удалось еще только одну версию.

– Необходимость начать жизнь заново? – с сомнением спросила она, разговаривая, скорее, сама с собой, чем со стариками. – Чтобы просто... ну не знаю... сжечь мосты и начать все с начала, другим человеком в другом месте? – затем что-то еще пришло ей в голову. – Безумие?

Теперь вверх были подняты четыре пальца: секс, деньги, новая жизнь и безумие. На два последних она смотрела с сомнением.

– Может, желание начать новую жизнь и безумие это одно и то же?

– Может быть, – согласился Винс. – Можно также утверждать и то, что к безумию относится любой вид зависимости, от которой человек мечтает избавиться, переехав в другое место. Такой способ лечения называется географическим. Думаю, он особенно хорошо помогает против наркотиков и алкоголя. Азартные игры тоже вызывают зависимость, от которой люди пытаются вылечиться этим

методом, но, думаю, их можно отнести к категории финансовых проблем.

— Он увлекался наркотиками или алкоголем?

— Думаю, Арла Коэн знала бы об этом, но она сказала: нет. У нее было шестнадцать месяцев, чтобы строить предположения, а в итоге мужа нашли мертвым. Думаю, она не стала бы от меня что-либо скрывать после всего этого.

— Но Стеффи, — довольно мягко сказал Дейв, — разбирая это дело, безумие приходится учитывать в любом случае, тебе не кажется?

Она представила себе, как мертвый Джеймс Коэн с куском мяса, застрявшим в горле, сидит на пляже Хэммок, прислонившись спиной к мусорной корзине; его глаза закрыты и не видят ни Тиннока, ни залива. Она увидела его руку, сжатую так, словно в ней все еще был тот кусок мяса, который наверняка утащила голодная чайка, оставив на ладони только жир, на который налип песок.

— Да, — сказала она. — Безумие налицо. Она знала об этом? Его жена?

Мужчины переглянулись. Винс вздохнул и потер тонкую переносицу.

— Может, и знала, но ей нужно было думать о себе, Стеффи. О себе и о сыне. Мужчина срывается и исчезает вот так, а женщина остается, чтобы взвалить на плечи чертовски тяжелую ношу. Она вернулась на свою прежнюю работу, в один из Боулдерских банков, но содержать дом в Нидерлэнде она никак не могла себе позволить...

— Убежище Хэйландо, — прошептала Стефани, почувствовав прилив сострадания.

— Ну да, его. Не одалживая много денег ни у своих близких, ни у родственников мужа, она сама встала на ноги, но пришлось потратить большую часть денег, отложенных на обучение Майкла в колледже. Когда она предстала перед нами, я понял, что она хотела все выяснить, во-первых, для дела, а во-вторых для души, — он с сомнением посмотрел на Дейва, который пожал плечами и кивнул, словно подтверждая, что можно и так сказать.

Винс тоже кивнул и продолжил:

— Она хотела покончить с сомнениями. Жив он или умер? Замужем она или вдова? Надеяться ли ей на отдых или дальше везти все на себе? Звучит немного черство, возможно, так и есть, но я уверен, что после шестнадцати месяцев ожидания надежда становится тяжелой, чертовски тяжелой ношей и мешает жить дальше.

— А что касается дела, то все просто: она хотела, чтобы страховая компания выплатила то, что положено. Я знаю, что Арла Коэн не единственный человек на свете, у которого есть причины ненавидеть страховые компании, но по силе этого чувства ей равных нашлось бы немного. Она боролась за себя и за Майкла, жила трех или четырехкомнатной квартире в Боулдере — которая, конечно, сильно отличалась от их милого домика в Нидерлэнде — оставляла малыша в яслях и с няньками, которым она не всегда могла доверять, выполняла работу, которая ей не нравилась, засыпала в одиночестве, а не прижавшись к любимому человеку, как раньше, постоянно думала о счетах и следила за датчиком уровня топлива, ведь цены на бензин росли уже тогда... И все это время она сердцем чувствовала, что Джеймс мертв, но на этом основании страховку ей не выплатили, ведь тело найдено не было, не говоря уж о том, что ничего не было известно о причине смерти.

— Она все время спрашивала меня, не вывернутся ли эти подонки — так она их называла — заявив, что это самоубийство. Я ответил, что никогда не слышал, чтобы кто-нибудь покончил с собой, подавившись куском мяса, и позже, на формальном опознании фотографий, Каткарт сказал ей то же самое. Кажется, это ее немного успокоило.

— Каткарт был готов помочь и сказал, что свяжется с агентом компании в Брайтоне, Колорадо, и расскажет ему об отпечатках и фотографиях. Он обещал все устроить. Услышав это, Арла заплакала, частично от облегчения, частично от чувства благодарности и, думаю, частично от усталости.

— Ну конечно, — прошептала Стефани.

— Я поехал с ней обратно на пароме до Лосинового острова и устроил ее в отеле «Рэд руф», — продолжал Винс. — Ты тоже останавливалась там, когда приехала сюда, ведь так?

— Да, — ответила Стефани. Она уже почти месяц жила в общежитии, но в октябре собиралась искать квартиру, если старики разрешат ей остаться. Наверняка разрешат. Иначе зачем этот разговор?

— Следующим утром мы завтракали втроем, — сказал Дейв. — Мне нравятся люди, которые не сделали ничего плохого и никогда не имели дела с газетчиками. Она говорила с нами открыто, не думая о том, что сказанное ею появится позже на первой странице, — он помолчал. — Конечно, мы об этом ничего не написали. После того, как всем стало известно, что некий мужчина был найден мертвым на пляже Хэммок и следователь не признал наличие преступления, эту историю не было смысла печатать. Новость уже не была сенсацией.

– И никаких мотивов? – спросила Стефани.

– Абсолютно никаких! – воскликнул Дейв и рассмеялся так, что закашлялся. Успокоившись, он вытер уголки глаз большим узорчатым платком, который вытащил из заднего кармана брюк.

– Что она вам рассказала? – спросила Стефани.

– Да что она могла рассказать? – отозвался Винс. – В основном задавала вопросы. А я спросил только, был ли червонец сувениром на память или талисманом, – он фыркнул. – Да уж, журналист из меня в тот день был никакой.

– Червон... – не поняла Стефани.

– Русская монета достоинством в 10 рублей, которая была у него в кармане вместе с остальной мелочью. Я спросил, носил ли он ее с собой на счастье или еще по каким-то своим причинам. Она понятия не имела. Сказала, что единственное, что связывало Джима с Россией, был фильм о Джеймсе Бонде под названием «Из России с любовью», который они однажды взяли в прокате «Блокбастер».

– Он, должно быть, подобрал ее на пляже, – задумчиво сказала Стефани. – Там можно найти что угодно. – Сама она нашла женскую туфлю на высоком каблуке, которую прибором за долгое время сделал удивительно мягкой и гладкой.

– Должно быть, так, – согласился Винс. Он смотрел на нее, и его глаза поблескивали в глубоких глазницах. – Хочешь узнать, какую перемену я заметил в ней, когда мы встретились на следующее утро после официального опознания фотографии?

– Конечно.

– Она отдохнула. И с аппетитом ела за завтраком.

– Это факт, – подтвердил Дейв. – Есть старая пословица, что приговоренный много ест, а по моим наблюдениям никто не ест больше, чем тот, кого простили, будь то мужчина или женщина. И в каком-то смысле она была прощена. Пусть она и не узнала, зачем он приехал в наши края, и что выпало на его долю здесь, думаю, она понимала, что так этого и не узнает...

– Понимала, – подтвердил Винс. – Она сказала мне об этом, когда я вез ее обратно в аэропорт.

– Но она убедилась в том, что он мертв, и это было главным. Сердцем она это знала давно, но разуму нужны были доказательства, чтобы понять, что можно жить дальше.

– Не говоря о том, что это помогло, наконец, убедить в ее правоте дотошных жлобов из страховой компании.

– Она получила деньги? – спросила Стефани.

Дейв улыбнулся.

— Да, мэм. Эти ребята действуют быстро, когда дело доходит до торгов, но становятся очень медлительными, как только им предъявляют иск. Они долго тянули резину, но, в конце концов, все выплатили. В подтверждение этого мы получили письмо с благодарностью за все, что сделали. Она писала, что если бы не мы, она все еще ждала бы, пока страховая компания перестанет доказывать, что Джеймс Коэн, возможно, жив и находится в Бруклине или Тэнгери.

— Какие вопросы она вам задавала?

— Думаю, ты сама догадываешься, — сказал Винс. — Первым делом она хотела знать, куда он направился, сойдя с парома. Ответа у нас не было. Мы опрашивали людей, не так ли, Дейв?

Дейв Боуи кивнул.

— Но никто не вспомнил, что видел этого человека, — продолжал Винс, — понятно, ведь к тому времени уже стемнело. А что до остальных пассажиров с последнего парома, а их, как обычно, было немного, то они, скорее всего, поспешили на стоянку Бэй-стрит, к своим машинам, подняв воротники и опустив головы из-за сильного ветра с моря.

— Она спрашивала про бумажник, — сказал Дейв. — Мы могли ответить только то, что его так и не нашли... по крайней мере, в полицию он не попал. Я предположил, что кто-то, возможно, вытащил бумажник из кармана владельца, опустошил его и выбросил за борт.

— Возможно, что и в раю есть родео, но это вряд ли, — холодно осадил его Винс. — Если у него был кошелек, то зачем было держать в кармане брюк еще 17 долларов купюрами?

— На всякий случай, — вмешалась Стефани.

— Может быть, — сказал Винс. — Но мне кажется, вряд ли. И честно говоря, то, что в шесть часов вечера на пароме между Тинноком и Лосиным островом работал карманник, кажется мне еще более необычным, чем то, что художник из рекламного агентства нанял частный самолет, чтобы лететь в Новую Англию.

— В любом случае, куда подевался его бумажник, мы ей объяснить не могли, — сказал Дейв, — и куда пропали его пальто и пиджак, и почему он был обнаружен только в брюках и рубашке именно на этой части пляжа Хэммок.

— А сигареты? — сказала Стефани. — Уверена, ей это было интересно.

Винс издал короткий смешок.

— Интересно не то слово. Пачка сигарет чуть не свела ее с ума. Она не могла понять, зачем они ему понадобились.

Он был не из тех, кто бросил, а потом решил снова закурить, нас в этом не надо было убеждать. Каткарт тщательно осмотрел его легкие, думаю, ты понимаешь, зачем.

— Чтобы убедиться, что парень не утонул? — спросила Стефани.

— Точно, — ответил Винс. — Если бы доктор Каткарт обнаружил в легких воду, значит, при помощи куска мяса кто-то пытался скрыть истинную причину смерти мистера Коэна. Это не доказало бы факт убийства, но вызвало бы подозрение. Каткарт не нашел в легких Коэна ни воды, ни следов курения. Все чистое и розовое, как он выразился. И все же между офисом Коэна и аэропортом Стэплтон было место, где Джеймс, несмотря на спешку, с которой должен был действовать, попросил шофера остановиться и купил пачку сигарет. Либо он заранее припас ее, как и русскую монету, в чем я почти уверен.

— Вы ей об этом сказали? — спросила Стефани.

— Нет, — ответил Винс, и тут зазвонил телефон. — Я на минутку, — сказал он и направился к аппарату, чтобы взять трубку.

Он говорил коротко, раза три сказал «ага» и, закончив разговор, вернулся к ним, потягивая спину, как делал раньше.

— Звонила Элен Данвуди, — сказал он. Она готова поговорить о стрессе, который пережила, когда сшибла пожарный гидрант и «выставила себя на посмешище». Это точная цитата, но не думаю, что она появится в моем захватывающем дух репортаже об этом событии. В любом случае, думаю, мне лучше добраться до нее как можно скорее, чтобы получить историю, пока воспоминания свежи и пока она не занялась ужином. Мне повезло, что они с сестрой так поздно едят. Иначе я упустил бы свой шанс.

— А мне надо заняться счетами, — сказал Дейв. — Кажется, их стало на дюжину больше, чем было, когда мы пошли в «Чайку». Клянусь, стоит оставить их на столе, они начинают размножаться.

Стефани смотрела на них с явной тревогой.

— Вы не можете прерваться сейчас. Не можете оставить меня в сомнениях.

— У нас нет выбора, — мягко сказал Винс. — Мы живем в сомнениях уже 25 лет, Стеффи. Ведь в этом деле нет обманутой секретарши.

— И нет огней Элсуорта, отраженных от облаков на юго-востоке, — сказал Дейв. — Нет даже Теодора Рипонокса, старого бедняги моряка, убитого за выдуманные пиратские

сокровища и оставленного в носовом трюме, залитом его же кровью, в то время как его товарищи были выброшены за борт. Зачем? Чтобы другим не повадно было, боже мой! Вот тебе мотив, дорогая!

Дейв ухмыльнулся, но ухмылка быстро сошла с его лица.

— Ничего подобного нет в деле дитя Колорадо. Есть бусины, но нет нити, чтобы их нанизать, понимаешь, и ни Шерлока Холмса, ни Эллери Куина, чтобы помочь соединить их воедино. Только пара стариков, выпускающих газету, в которой за неделю появляется не больше ста историй. Ни одну из них не оценили бы в «Бостон глоуб», но обывателям на острове они все-таки нравятся. Кстати говоря, ты разве не собиралась переговорить с Сэмом Джернердом? Выяснить все детали его знаменитого пикника с прогулкой и танцами?

— Я собиралась... собираюсь... я хочу! Вы это понимаете или нет? Я действительно хочу поговорить с ним об этом нафталине.

Винс Тигги расхохотался, Дейв тоже.

— Пусть так, — сказал Винс, когда успокоился. — Не знаю, как бы отреагировал на это декан твоего факультета, но лично я готов расплакаться, потому что знаю, что ты действительно этого хочешь, — он взглянул на Дейва.

— Мы знаем.

— А я знаю, что у вас есть дела поважнее, но должны же быть какие-то версии... теории... спустя столько лет... — она жалобно смотрела на них. — То есть, я хочу сказать... Разве нет?

Старики переглянулись, и Стефани снова почувствовала телепатическую связь между ними, хоть и не могла понять, какими мыслями они обменялись. Затем Дейв снова посмотрел на нее:

— Что именно ты хочешь узнать, Стеффи? Спрашивай.

— 18 —

— Вы думаете, его убили? — она действительно хотела это знать. Ее просили на время оставить эту версию, она так и сделала, но сейчас, когда разговор о дитя Колорадо был почти завершен, она подумала, что самое время к ней вернуться.

— Почему после нашего рассказа убийство кажется тебе более вероятным, чем несчастный случай? — с неподдельным интересом спросил Дейв.

— Из-за сигарет. Он специально взял их с собой, я почти уверена. Он просто не мог предположить, что понадобится полтора года, чтобы кто-нибудь обнаружил акцизную марку штата Колорадо. Коэн верил в то, что если на пляже найдут мертвого человека без документов, то расследование будет несколько более тщательным, чем то, которое было проведено.

— Да, — сказал Винс. Он говорил тихо, но при этом потрясал сжатым кулаком, как болельщик, который видит, что его команда переходит в наступление или забивает решающий гол. — Молодец, девочка. Хорошо работаешь.

В свои двадцать два Стефани возмутилась бы, назови ее кто-нибудь девочкой. Но этот седовласый девяностолетний старик с тонкими чертами лица и пронзительными глазами был исключением. И она покраснела от удовольствия.

— Он не мог предугадать, что причину его смерти будут выяснять тюки вроде О'Шенни и Моррисона, — сказал Дейв, — не мог знать, что все будет зависеть от студента-выпускника, который провел здесь два месяца, таская кейсы и бегая за кофе, и от двух стариков, выпускающих еженедельник, немногим интересней, чем буклет из супермаркета.

— Эй, полегче, напарник, — одернул его Винс. — Что за воинственные речи? — он, улыбаясь, поднял вверх свои старческие руки.

— Но он добился своего, — сказала Стефани. — В конце концов, он своего добился. — Затем, подумав о миссис Коэн и малыше Майкле, (которому уже было двадцать с лишним), добавила:

— И она тоже. Если бы не Пол Девэйн и не вы, Арла так и не получила бы страховку.

— В чем-то ты права, — признал Винс. Ее позабавило то, как он смутился. Не потому, что помог кому-то, а из-за того, что об этом стало известно, как решила Стефани. Пусть твоя левая рука не знает о том, что делает правая; кальвинистские идеи пустили здесь глубокие корни и все еще имели власть над людьми, несмотря на кабельное телевидение, Интернет, и сотовые телефоны, без которых в море никто не выходил.

— Так что же произошло на самом деле? — спросила она.

— Нет, Стеффи, — мягко, но строго ответил Винс. — Ты все еще ждешь, что из туалета, пританцовывая, выйдет Рекс Стаут* или откуда ни возьмись появится Эллери Куин под руку с Джейн Марпл. Если бы мы знали, что произошло, если бы была хоть одна правдоподобная версия, мы развивали и

развивали бы ее, и, обойдя «Бостон глоуб», поместили бы сложившуюся историю на страницы «Островитянина». Может, в восемьдесят первом мы были дилетантами, а сейчас у нас есть опыт, но журналист всегда журналист. И мне все еще нравится писать длинные истории.

* Рекс Стаут – Rex Stout (1896–1975), автор детективных произведений о сыщике Ниро Вульфе.

– И мне, – сказал Дейв. Он встал, наверное, подумав о счетах, но снова примостился на углу своего стола, болтая массивной ногой. – Я всегда мечтал о том, чтобы у нас появилась история, о которой говорили бы и писали потом по всей стране, наверное, я так и умру с этой мечтой. Давай дальше, Винс. Расскажи ей, что ты думаешь. Она сохранит все в секрете, она теперь одна из нас.

Стефани дрожала от радости, но Винс Тигги, казалось, этого не заметил. Он наклонился вперед. Светло-голубые глаза девушки встретились с глазами старика, оттенок которых можно было сравнить с цветом воды в солнечный день.

– Хорошо, – начал он. – Я пытался разгадать тайну его смерти задолго до истории с акцизной маркой. Станным было то, что человек находился на острове с полседьмого, а в пачке не хватало всего одной сигареты. Для магазина «Бэй ньюс» я был настоящей заразой.

Винс улыбнулся воспоминаниям.

– Я показывал фотографию всем служащим, включая уборщика, потому что был уверен, что Коэн купил пачку именно там, если только до этого ему не попался торговый автомат в «Ред руф», «Шафел инн» или «Санокко сони». Я рассчитал, что после того, как человек сошел с парома, он, гуляя по Лосиному острову, должен был докурить свою пачку и затем купить новую. Было ясно так же, что если он купил пачку в «Ньюс», то должен был это сделать незадолго до закрытия, то есть около одиннадцати часов. В этом случае, до того, как умереть, он действительно успел бы выкурить всего одну сигарету, и использовать одну спичку.

– Но потом выяснилось, что он вообще не курил, – сказала Стефани.

– Верно. Так сказала его жена, и Каткерт это подтвердил. Позже я убедился в том, что пачка сигарет была посланием: «Я из Колорадо. Ищите меня там».

– Боже мой, – почти прошептала она. – И куда же это вас привело?

Мужчины переглянулись и одинаково пожали плечами.

– В край теней и лунного света, – сказал Винс. – Туда, где нет ни одного журналиста из «Бостон глоуб». Но в чем-то я уверен всем сердцем. Хочешь узнать, в чем?

– Да!

Винс говорил медленно, но уверенно, словно пробирался в темноте по коридору, где бывал уже много раз.

– Он знал, что попадет в безвыходную ситуацию, и что его могли не опознать, найдя мертвым. Он беспокоился о жене, поэтому не хотел, чтобы так получилось.

– Он купил сигареты, зная, что они не вызовут подозрения.

Винс кивнул.

– Ага. Их проглядели.

– Кто проглядел?

Винс помолчал, а затем, не ответив на ее вопрос, продолжил:

– Он спустился на лифте, пересек вестибюль и вышел из здания. Снаружи, либо у дверей, либо за углом, ждала машина, чтобы отвезти его в аэропорт Стэплтон. Может быть, в машине были только Козн и водитель, а может, был кто-то еще. Мы этого никогда не узнаем. Ты спрашивала, было ли на Джеймсе пальто, когда он утром уходил из офиса, и я ответил, что художник Джордж не помнил, но Арла сказала, что с тех пор она этого пальто не видела, поэтому, возможно, оно было на нем. Если так, значит, он снял его в машине или в самолете. Думаю, там же он снял и пиджак. Думаю, кто-то дал ему зеленую куртку, или она где-то лежала, дожидаясь его.

– В машине или самолете.

– Ага, – сказал Дейв.

– А сигареты?

– Точно не скажу, но лично я поручился бы за то, что они уже были при нем, – признался Дейв. – Что-то должно было случиться, и, что бы это ни было, он об этом знал. Полагаю, сигареты уже лежали в кармане его брюк.

– А позже, на пляже, – она увидела Козна, свой умозрительный образ дитя Колорадо, как он раскуривает первую в жизни сигарету – первую и последнюю – и бредет к кромке воды, такой одинокий на пустынном пляже, залитом лунным светом, полночным лунным светом. Он неумело делает одну или две затяжки, вдыхая резкий дым. Затем бросает сигарету в море. А потом... Что потом?

Что?

— Самолет доставил его в Бангор, — Стефани услышала свой голос словно со стороны, и он показался ей резким и чужим.

— Ага, — подтвердил Дейв.

— Дальше он поехал из Бангора в Тиннок.

— Да, — сказал Винс.

— Поужинал рыбой с картошкой.

— Именно так, — произнес Винс. — Это доказало вскрытие. И мой нос тоже. Я почувствовал запах уксуса.

— Бумажника к тому времени уже не было.

— Этого мы не знаем, — поправил ее Дейв. — И никогда не узнаем. Но я думаю, что не было. Скорее всего, Коэн где-то оставил его вместе с пальто, пиджаком и прежней жизнью. А взамен он, наверное, получил зеленую куртку, которую потом тоже где-то бросил.

— Или ее сняли с его трупа, — добавил Винс.

Стефани слегка трясло. Она ничего не могла с этим поделать.

— Затем переправа на шестичасовом пароме до Лосинового острова, и он приносит Гарду Эдвику бумажный стаканчик с кофе, который сошел за чай для штурмана или паромщика.

— Ага, — торжественно произнес Дейв

— У него с собой уже не было ни бумажника, ни документов, только 17 долларов, мелочь и, возможно, русская монета достоинством в 10 рублей. А не могла ли эта монета быть... не знаю... чем-то вроде подсказки? Ведь тогда еще шла холодная война между Россией и Штатами, верно?

— Полным ходом, — подтвердил Винс. — Но, Стеффи, если бы ты сотрудничала с русской разведкой, ты бы носила с собой рубли?

— Нет, — ответила она. — Но зачем тогда ему нужна была эта монета? Может, чтобы показать кому-то? Больше в голову ничего не приходит.

— Интуиция с самого начала подсказывала мне, что Коэну ее кто-то вручил, — сказал Дейв, — возможно, вместе с куском филе, завернутым в фольгу.

— Зачем? — спросила Стефани. — Зачем и кому это было нужно?

Дейв покачал головой.

— Я не знаю.

— А фольгу нашли? Может, она запуталась в водорослях у берега на другом конце пляжа?

— О'Шенни и Моррисон, конечно, не стали ничего искать, — сказал Дейв. — Но мы с Винсом обшарили пляж Хэммок вдоль и поперек после того, как желтая лента была убрана. Мы

искали не конкретно фольгу, а вообще что-либо, имеющее отношение к тому мертвому человеку, это могло быть что угодно. Но кроме мусора – оберток от конфет и тому подобного – мы ничего не нашли.

– Если мясо все же было завернуто в фольгу или бумажный пакет, то парень, должно быть, закинул эту упаковку и сигарету довольно далеко в море.

– А кусок мяса?

– Я неоднократно разговаривал о нем с Каткартом. Пару раз в разговоре участвовал Дейв. Помню, как Каткарт сказал мне: «Ты снова и снова возвращаешься к этому, как ребенок, который не может не трогать языком дырку в десне после того, как выпал зуб», – через месяц после нашего разговора Каткарт умер от сердечного приступа. Но это сравнение я запомнил. Да, это так, именно так. Дело дитя Колорадо для меня словно дыра, в которой я не перестану ковыряться, пока не доберусь до дна.

Во-первых, я хотел узнать, не мог ли кто-нибудь уже после смерти Козна затолкать ему мясо в горло пальцами или вилкой. Тебе ведь тоже такое приходило в голову, не так ли?

Стефани кивнула.

– Каткарт ответил, что возможно, но маловероятно, потому что Джеймс не просто откусил кусок, но и разжевал его до такой степени, чтобы легко можно было проглотить. На самом деле это было уже не мясо, а бесформенная органическая масса, как сказал Каткарт. Кто-то мог сам разжевать кусок, но после этого вряд ли мясо можно было бы запихать в горло так, чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что это несчастный случай.

Она снова кивнула.

– Еще он сказал, что очень трудно манипулировать с бесформенной массой каким бы то ни было инструментом. Она разваливалась бы при попытке пропихнуть ее в глотку. Пальцами это сделать можно, но Каткарт уверял, что от этого остались бы следы на челюстных связках, а он бы их заметил, – он помолчал, а потом покачал головой. – Есть специальный термин для таких повреждений, но я не помню.

– Расскажи ей, что тебе сказал Робинсон, – вмешался Дейв. Его глаза сверкали. – Это ничем не помогло, но лично мне всегда казалось чертовски интересным.

– Он сказал, что существуют определенные мышечные релаксанты, некоторые из них весьма редки, и еда Козна могла быть обработана одним из них, – пояснил Винс. – Пару раз он откусил и проглотил пищу, как обычно, о чем

свидетельствует содержимое его желудка, а затем кусок вдруг застрял у него в горле, хоть и был хорошо прожеван.

— Наверняка так и было! — воскликнула Стефани. — Тот, кто подсунул Коэну отраву, сидел там и смотрел, как он задыхается. А когда все было кончено, забрал остатки мяса, чтобы его не смогли проверить! Никакой чайки и в помине не было! Это все... — она замолчала, глядя на них. — Почему вы качаете головами?

— Вскрытие, дорогая, — напомнил Винс. — Анализы крови не подтвердили эту версию.

— Но если это очень редкое экзотическое средство...

— Как батат из детектива Агаты Кристи? — спросил Винс, улыбаясь. — Может быть... Но ведь в горле мертвеца осталось мясо, помнишь?

— Ой, верно. Доктор Каткарт мог его проверить, так? — она немного ссутулилась.

— Ага, — подтвердил Винс. — И проверил. Может мы и провинциальные тихони, но темные домыслы нам не чужды. Единственным ядом в этом мясе была соль.

Она помолчала немного, а затем тихо сказала:

— Может, это было вещество, которое со временем исчезает.

— Ага, — откликнулся Дейв и провел языком по внутренней стороне щеки. — Через пару часов после появления, прямо как береговые огни.

— Или как команда с «Лизы Кабо», — подхватил Винс.

— А куда он направился, сойдя с парома, вы не знаете?

— Нет, мэм, — ответил Винс. — За 25 лет поисков я не нашел ни одной живой души, видевшей его до того, как утром, в начале седьмого, двадцать четвертого апреля Джонни и Нэнси нашли его тело. И еще, не для записи — правда, никто и не записывает — я не верю в то, что кто-то забрал мясо из его мертвой руки. Думаю, оставшийся кусок украла чайка, как мы и предполагали. Боже мой, мне пора уходить.

— А мне пора заняться счетами, — сказал Дейв. — Но для начала, думаю, не помешает еще немного времени потратить на себя, — после этих слов он вперевалку направился к уборной.

— А мне, полагаю, стоит заняться своей рубрикой, — произнесла Стефани. Но потом не сдержалась и выпалила полушутя, полусерьезно:

— Наверное, лучше бы вы мне вообще ничего не рассказывали, если не собирались доводить дело до конца. Пройдут недели, прежде чем я перестану думать об этом.

— А мы думаем над этим уже 25 лет, — сказал Винс. — По крайней мере, ты поняла, почему мы не рассказали все это журналисту из «Бостон глоуб».

— Да, поняла.

Он улыбнулся и кивнул.

— Ты справишься, Стефани. У тебя все получится, — Винс дружески потрепал ее по плечу и направился к двери, по дороге он взял со своего захламленного стола узкий репортерский блокнот и запихал его в задний карман брюк. Ему было девяносто лет, но походка оставалась легкой, только спина слегка сутулилась, напоминая о возрасте. На нем была белая сорочка, сзади перехваченная крест накрест подтяжками. Не дойдя до двери, он остановился и снова повернулся к ней. Свет заходящего солнца запутался в его по-детски пушистых волосах, превратив их в ореол.

— С тобой приятно работать, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты об этом знала.

— Спасибо, — ответила Стефани, надеясь, что не выдала голосом неожиданно нахлынувшего желания расплакаться. — Спасибо за все. Сначала меня мучили сомнения... теперь, похоже, вы тоже ни в чем не уверены. Мне здесь нравится.

— Как насчет того, чтобы остаться. Ты ведь думала об этом?

— Еще бы.

Он кивнул и выглядел серьезным.

— Мы с Дейвом обсуждали это. Приток свежей, молодой крови в коллектив был бы кстати.

— Вы, ребята, сто лет проживете, — сказала она.

— О, да, — небрежно произнес Винс, словно речь шла о само собой разумеющемся. А когда шесть месяцев спустя он умер, Стефани сидела в холодной церкви, делая в узком репортерском блокноте заметки для статьи о похоронах, и думала: «Он знал, что скоро это случится».

— Я помирать еще не собираюсь. И все же, если решишь остаться, мы с радостью тебя примем. Сейчас можешь не отвечать, но считай это предложением.

— Хорошо. Думаю, мы оба знаем, каким будет ответ.

— Ну и отлично, — он хотел было уйти, но снова обернулся. — На сегодня учеба почти закончилась, но я мог бы рассказать еще кое-что о нашей работе. Можно?

— Конечно.

— Существуют тысячи газет, и десятки тысяч людей пишут для них истории. Но эти истории делятся на два типа. Во-первых, новости, которые на самом деле просто отчет о том, как разворачиваются события. Форма может быть любая, это не

имеет значения. Люди берут газету, чтобы прочитать о слезах и крови, так же как они сбрасывают скорость на шоссе, чтобы посмотреть на аварию, после чего едут дальше. А что ждет их на страницах газет?

— Истории.

— Ага. Пусть даже страшные, но у каждой есть начало, середина и конец. Поэтому все они нравятся людям, Стеффи. Даже если это история о том, как секретарша отравила половину церковной паствы, чтобы отомстить любовнику, который ее обманул, это хорошая история, а почему?

— Я не знаю.

— А надо, — вмешался Дейв, выглядывая из уборной и вытирая руки бумажным полотенцем. — Надо знать, и если хочешь здесь работать, надо понимать, чем ты на самом деле занимаешься, — он швырнул полотенце в мусорную корзину.

Она задумалась.

— Эти истории хороши тем, что закончены.

— Точно, — просияв, воскликнул Винс и вскинул руки вверх, словно священник на проповеди.

— В них есть ответы! У них есть финал! Но часто ли в реальной жизни встречаются истории с началом, серединой и концом? Как по-твоему?

— У меня слишком мало опыта. Я писала только для школьной газеты, и здесь для рубрики «Об искусстве».

Винс отмахнулся от этого.

— Что подсказывает тебе сердце?

— Что в жизни все по-другому, — Стефани подумала об одном молодом человеке, с которым придется объясняться, если она решит остаться здесь дольше, чем на четыре месяца, и о том, что разговор, возможно, будет не из приятных. Наверняка не из приятных. Рик этому не обрадуется, ведь у него были совсем другие планы.

— Мне еще не попалось ни одной истории, в которой не было бы вранья, — мягко сказал Винс. — Но на бумаге ложь обычно не так колет глаз. А наша история колола бы. Если только ее не... — он слегка пожал плечами.

Сначала Стефани не поняла, что значит этот жест. Но вдруг вспомнила, что сказал Дейв задолго до того, как они вышли на балкон, чтобы немного посидеть, наслаждаясь августовским закатом. «Это наше, — сказал он. — Парень из «Глоуб», чужак, он бы только все изгадил».

— Если бы вы отдали эту тайну Хэнрэтти, он бы использовал ее, так? — спросила она.

— Мы не могли ее отдать, потому что она нам не принадлежит, — ответил Винс. — Она принадлежит каждому, кто о ней знает.

Стефани, улыбаясь, покачала головой.

— Мне кажется, это нечестно. Ведь, по-моему, вы с Дейвом единственные, кто знает о ней все.

— Были единственными, — поправил ее Дейв. — Теперь есть еще ты, Стеффи.

Она кивнула ему, принимая скрытый комплимент, а затем, подняв брови, снова посмотрела на Винса Тигги. Через секунду-другую тот хихикнул.

— Мы не рассказали ему о дитя Колорадо, потому что он сделал бы из настоящей тайны еще одну обычную историю, — объяснил Винс. — Он не стал бы искажать факты, а просто убрал бы ненужное.

— Никаких признаков того-то и того-то, как обычно пишут, — сказала Стефани.

— Пусть так или как-нибудь еще. Может быть, он написал бы обо всем по-своему, потому что после нескольких лет работы привыкаешь лепить истории из разрозненных фактов, а может, потому что редактор вернул бы ему статью на доработку.

— Или статью мог бы переписать сам редактор, если время поджимало, — вставил Дейв.

— Ага, давно известно, что редакторы занимаются еще и этим, — согласился Винс. — В любом случае история о дитя Колорадо стояла бы под номером семь или восемь в серии «Необъяснимое из Новой Англии», над которой читатель задумался бы минут на 15 в воскресенье, а в понедельник застелил бы этой страницей кошачий лоток.

— И вы не могли бы больше называть эту тайну своей, — сказала Стефани.

Дейв кивнул, а Винс отмахнулся.

— С этим еще можно смириться, но я не могу позволить, чтобы оболгали человека, который уже умер и не может за себя постоять. Этого я не мог допустить. И не допустил, — он посмотрел на часы. — Ну все, я убегаю. Кто уходит последним, выключает свет и запирает дверь, хорошо?

Винс ушел. Они посмотрели ему вслед, затем Дейв повернулся к Стефани:

— Еще есть вопросы?

Она засмеялась.

— Не меньше сотни, но, думаю, ответить на них не сможете ни вы, ни Винс.

— Пусть это не отобьет у тебя охоту их задавать, — он отошел к своему столу, сел за него и со вздохом придвинул к себе кипу бумаг. Стефани направилась было к своему рабочему месту, но ее внимание привлек стенд длиной во всю стену, что висел напротив заваленного всякой всячиной стола Винса. Она подошла поближе.

Левая половина стенда была сплошь оклеена старыми передовицами «Островитянина», желтыми и съезжившимися. В верхнем углу отдельно висела передовица выпуска от 1952 года. Заголовок гласил: «Таинственные огни над Ханкоком ошеломили тысячи людей». Ниже была фотография, сделанная, как говорили, лично Винсом Тигги; по расчетам Стефани, ему тогда было всего 37. На черно-белом снимке, который, казалось, был сделан в сумерках, маленький стадион и на заднем плане афиша с надписью: «Ханкокским лесорубам исход игры всегда известен». Несколько людей стоят на единственной покосившейся трибуне и смотрят в небо, туда же смотрит судья, застыв с маской в правой руке на основной базе поля. На третьей базе испуганно жмутся друг к другу ребята из команды гостей, как предположила Стефани. Игроки из другой команды, одетые в джинсы и пуловеры с надписью «Ханкокские лесорубы» на спинах, выстроились в неровную линию на внутреннем поле и все, как один, смотрят вверх. А на небольшом возвышении стоит мальчик, который должен был бросить мяч, и тянется рукой в перчатке к одному из ярких кругов, парящих под облаками, словно хочет приблизиться к этой тайне, коснуться ее и, открыв сердце, узнать ее историю.

Послесловие .

Понравился ли вам «Дитя Колорадо» или вы его возненавидели (надеюсь, равнодушных не осталось), прошу благодарить и корить за это моего друга Скотта. Он принес мне газетную вырезку, с которой все началось.

Каждому писателю фантастики нужно чтобы кто-то находил и приносил вырезки, которые могли бы лечь в основу замечательного сюжета. «Просто немного подправь то, что уже есть», — обычно говорит такой поставщик с ободряющей улыбкой на лице. Не знаю, как у других, а у меня никогда это не получалось; и когда Скотт принес мне конверт, в котором лежала статья из газеты штата Мэн, я не думал, что из нее выйдет какой-нибудь прок. Но мама учила меня быть вежливым, поэтому я поблагодарил Скотта, взял конверт,

отнес его домой и бросил на стол. Пару дней спустя я вскрыл его, прочитал статью, и меня озарило.

Вырезка с тех пор потерялась, а поиск в Гугле, этом нелепом современном расширителе эрудиции, ничего не дал, поэтому мне остается надеяться на память, весьма ненадежный источник информации. Но это не так важно, потому что статья была всего лишь искрой, от которой вспыхнул огонь, ожививший эти страницы.

Когда я развернул газету, первым делом мне на глаза попала фотография ярко-красной женской сумочки. Эта вещь принадлежала молодой женщине, о которой писали в статье. Женщину видели всего один раз, на острове, вдали от побережья штата Мэн, когда она шла по главной улице маленького городка, неся на плече ту самую красную сумочку. На следующий день женщину нашли мертвой на одном из пляжей острова, без сумочки и без документов. Причину смерти так и не выяснили, и хотя в итоге решили, что она утонула, причиной чему, возможно, стало алкогольное опьянение, эта версия так и осталась только предположением.

Женщину, в конце концов, опознали, но перед этим она долго лежала в склепе на материке. Меня снова потянуло к тайнам, которые хранят острова штата Мэн, такие как Крэнбэри или Монэан с их необычной самобытной атмосферой уединения и общности. В Америке мало мест, где так четко проведена граница между маленьким миром своих и огромным миром чужих. Островитяне отдают всю доброту землякам, но бережно хранят свои секреты от чужаков. И как показала Агата Кристи в своем бессмертном произведении «Десять негрятят», ни одна запретная комната не охраняется с такой строгостью, как мир острова, даже если ясным летним днем кажется, что материк всего в двух шагах, и лучшего места для тайны не найти.

В основе произведения загадка, и, думаю, многие читатели почувствовали себя обманутыми и даже разозлились из-за того, что я не ответил на поставленные вопросы. Думаете, у меня не было ответов? Вы не правы. Нужно ли было напрямч извилины и дать объяснительное предисловие (вроде того, с которого Ричард Адамс начал своего «Шардика»)? Я мог бы предоставить вам полдюжины таких, три хороших, два так себе и еще какое-нибудь для полноты картины. Думаю, те, кто уже дочитал до конца, знают, какими бы они были. Но в этом детективе – в этом необычном детективе, если мне позволят такую вольность в формулировке выходных данных, которые будут на обложке – ответы меня не интересовали.

Ведь именно тайна заставляла меня возвращаться к этой истории снова и снова.

Безразличны ли мне два старика, в свободное время неумолимо пытающиеся докопаться до истины, несмотря на то, что года уходят, и сил на это остается все меньше? Нет, небезразличны. Переживал ли я за Стефани, когда она предстала перед справедливыми, но довольно строгими судьями, устроившими ей экзамен? Да, я хотел, чтобы она справилась. Радовался ли я каждой догадке, каждому лучику света, пробившему сумрак неизвестности? Конечно. Но больше всего меня вдохновляли мысли о том, как мертвый дитя Колорадо сидит у мусорной корзины и смотрит на воду, об этой аномалии, которую трудно признать даже самым легковерным. В конце концов, мне все равно, как он туда попал; он как соловей, увиденный мельком в пустыне, от этого дух захватывает.

И конечно, мне было интересно, как мои персонажи с этой аномалией справятся. Оказалось, что очень даже неплохо. Я горжусь ими. Итак, я жду электронных и бумажных писем, чтобы узнать ваше мнение.

Я никого ни в чем не хочу убеждать, но прежде, чем закончить, прошу вас учесть тот факт, что мы живем в паутине тайн и так к этому привыкли, что заменили слово «тайна» на «реальность», потому что так спокойней. Откуда мы взялись? Где были до этого? Неизвестно. Что нас ждет? Неизвестно. Церковь убеждает нас в том, что у нее есть ответы, но у людей часто возникает смутное подозрение, что это, скорее всего, мошенничество ради сбора пожертвований. А тем временем мы не по своей воле играем в вышибалы, несясь из ниоткуда в никуда, словно в свободном падении. Иногда бомбы не взрываются, иногда самолеты приземляются удачно, иногда анализы крови оказываются чистыми, иногда биопсия дает положительный результат. Редко среди ночи звонит телефон, чтобы сообщить плохие новости, но когда это случается, мы летим, вжав педаль в пол, навстречу тайне.

Трудно и прекрасно жить так и при этом оставаться в своем уме. Я взялся писать, чтобы разобраться в себе и, создавая «Дитя Колорадо», пришел к выводу, что, может быть – подчеркиваю, может быть – именно очарование тайны позволяет нам сохранить рассудок в этом разрушительном по своей природе миру, по которому путешествует наше брэнное тело. Мы хотим коснуться небесных огней, хотим узнать, откуда взялся дитя Колорадо (мир полон таких аномалий). Желание узнать, возможно, лучше, чем само знание. Я не уверен, а только предполагаю, что это так. Но если, по-

[Русский сайт Стивена Кинга](http://stking.narod.ru/) — <http://stking.narod.ru/>

вашему, я не справился со своей работой, потому что не рассказал историю целиком, то, поверьте, вы ошибаетесь.

Уж я-то знаю.

Стивен Кинг,
31 января 2005 г.

Перевод Олеси Куликовой (38parrots@mail.ru)